

Министерство образования и науки РФ
Институт этнологии и антропологии РАН
Распределенный научный центр
межнациональных и межрелигиозных проблем

**«Этнологическая библиотека»
Выпуск 1**

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

**Научно-справочное пособие
под редакцией академика В. А. Тишкова**

Москва — Пятигорск — Ставрополь
2013

Историко-культурные традиции народов Северного Кавказа. Научно-справочное пособие. / Под редакцией академика В. А. Тишкова – М.: ИЭА РАН, 2013. – 114 с.

Оригинал-макет и обложка: О. В. Кульбачевская

ISBN 978-5-4211-0096-6

Содержание

<u>Введение</u>	5
<u>Глава первая. Социальная организация и обычай до российского завоевания</u>	8
<i>Тухумы и кланы</i>	8
<i>Родовые культы и атрибуты клана</i>	17
<i>Традиционные сословные иерархии</i>	21
<u>Глава вторая. Перестройка горского общества, реформы и переселения XIX века</u>	30
<i>Судьбы привилегированных сословий</i>	31
<i>Преобразования после Кавказской войны</i>	33
<i>Переселения горцев</i>	34
<u>Глава третья. Обычное право и управление</u>	38
<i>Адат как тухумное и общинное право</i>	38
<i>Нормы адата в семейных отношениях</i>	40
<i>Баранта</i>	43
<i>Военно-народное управление (1860–1917 гг.)</i>	46
<u>Глава четвертая. Кавказская традиция и советская власть</u>	53
<i>Адат и шариат</i>	53
<i>Колхозная метаморфоза сельской общины</i>	61
<u>Глава пятая. Традиция кровной мести</u>	69
<i>Обязательность кровомщения</i>	69
<i>Кровная месть в период Российской империи</i>	74
<i>Перерождение кровной мести в XX веке</i>	78

Глава шестая. Феномен абречества	83
<i>Воинственность горцев: мифы и реальность.....</i>	<i>83</i>
<i>Мужские союзы и культ воина-джигита</i>	<i>88</i>
<i>Военные реформы XIX в. и абречество.....</i>	<i>91</i>
<i>Изменение кавказского абречества в XX веке</i>	<i>95</i>
Глава седьмая. Кавказские традиции	
в современной жизни	98
<i>Итоговый взгляд на бытование кавказских традиций</i>	<i>98</i>
<i>Традиции и культура родства</i>	<i>100</i>
<i>Традиции в семейном и общественном быту.....</i>	<i>103</i>
<i>Кризис традиций морального мышления и поведения.....</i>	<i>106</i>
Заключение.....	110

Введение

Чтобы хорошо разбираться в поведении населения Северного Кавказа и правильно вести себя по отношению друг к другу, а также осуществлять эффективную политику государственного управления в многоэтничном регионе, необходимо знать историко-культурные традиции проживающих здесь горских народов — особенности их общественной организации, традиционных правовых норм и представлений. Северо-кавказские народы при всей их общности с остальным населением России, тем не менее имеют свои существенные и значимые по жизни отличия. Они также отличаются друг от друга по происхождению, языку, нравам, этнической культуре и религиозным воззрениям. В тоже самое время народы Северного Кавказа имеют много общих черт, особенно если речь идет о народах адыгской группы (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги) или об андо-цезских и лезгино-язычных народах Дагестана.

Историческое и общественное развитие народов Северного Кавказа шло разными путями, хотя многие общие тенденции социально-экономического развития и крупнейшие исторические трансформации охватывали ареалы проживания всех местных групп. Некоторые этнические общности еще в раннее Средневековье образовали свои государства, у других роль государства выполняли *кланы* или *союзы сельских общин*. На востоке и западе региона существовали разные системы обычного, мусульманского и религиозного права. В то же время всех горцев сближает стойкая приверженность к своим кланам и местным обычаям.

Клан на большинстве языков народов Кавказа называется *тухумом*. У чеченцев, ингушей и некоторых дагестанских народов он известен под именем *тайна* (*мейна*). Обычай, а также обычное право повсюду на Кавказе именуется *адатом*. Этот термин заимствован из арабского языка в эпоху ислами-

зации кавказских горцев. Существуют его синонимы в местных языках, например аварское *баль*, карачаевское *тёре*.

Нынешние общие черты и местное своеобразие тухумной организации и адатного правосознания у народов Дагестана, вайнахских и адыгских народов, осетин и тюркских народов Северного Кавказа, отражают также изменения местных культур под влиянием сначала дореволюционных, а затем советских преобразований. Среди части отечественных ученых и политиков господствует представление о древности и неизменности горских традиций. Между тем, перемены, произошедшие на Северном Кавказе в XIX–XX вв., привели к существенному изменению этнографического облика народов Северного Кавказа, их традиционной правовой культуры. Наибольшему воздействию технического и в целом социально-экономического прогресса подвергся традиционный уклад жизни кабардинцев, осетин, карачаевцев и др.

С изменением условий жизни менялись и местные традиции, обычное право и характер клановых структур и связей. Один из важных примеров преобразования горских традиций под влиянием российских трансформаций — это традиционная клановая организация и обычно-правовые институты. Что же представляли собой тухумы и адаты — эти «киты», на которых стояло горское общество и его правовые нормы? Данное пособие построено по историческому принципу и рассматривает ситуацию накануне русского завоевания, в период присоединения региона к Российской империи, в советский и постсоветский периоды. В центре внимания воздействие государственной политики, геополитических и социально-экономических трансформаций, которые имели место на Северном Кавказе с конца XVIII по конец XX веков.

Это научно-справочное пособие подготовлено на основе более ранней публикации «Российский Кавказ. Книга для политиков» (М., 2005), а также других материалов, включая

новейшие полевые исследования и научные разработки отечественных историков и этнологов. Оно рассчитано на использование государственными служащими, работниками образования и средств массовой информации и всеми, кто интересуется историей и культурой этого уникального региона Российской Федерации.

Глава первая

Социальная организация и обычай до российского завоевания

Тухумы и кланы

Тухум (иначе произносится *тохум*, *джухум*) на санскрите, как и в иранском, означает «семья», «сельская община». Термин этот широко распространен в горном Дагестане. То же слово употребляется кумыками, карачаевцами и балкарцами. Реже на Северном Кавказе встречается арабское слово *тейп*, ставшее популярным в России по причине вооруженного конфликта в Чечне. Тайпом, а также тухумом клан называют чеченцы и ингуши. В том же значении слово «тейп» используется аварцами, андоцезскими народами, лакцами и некоторыми другими народами Дагестана. Чеченский краевед XIX в. У. Лаудаев писал, что в основе понятия «тейп» лежит родственная связь между его членами, и по-чеченски тайпан означает одну фамилию, т. е. род или племя.

У народов Северного Кавказа есть иные наименования клана, частью местные, частью заимствованные из арабского и тюркских языков. Аварцы часто называют его *тлибил*, букв. «корень». У даргинцев тухум еще называется *джине* (от араб. «род»), у лакцев — *сака*, у лезгин и народов лезгинской группы — *сихил*, *миресар*. У кабардинцев и других адыгских народов клан называется *тлепк*.

Первые сведения о кавказских тухумах относятся к позднему Средневековью. Клань адыгов описал итальянский путешественник XV в. Дж. Интериано. А даты аварских селений Гидатля в горном Дагестане, составленные в XV–XVII в., донесли до нас генеалогию гидатлинских тухумов шамхалов. Подробные сведения о тухумной организации появились только в XIX веке. Описание клана у аварцев Южного Азербай-

джана в середине XIX в. дал И. О. Константинов. По его словам, тухум, или фамилия, заключал в себе не только всех близких и дальних родственников, но и тех, кто, выйдя из дальних мест, присоединились к тухуму, приняли его название и поселились на принадлежавшем ему участке земли. Единственное, чего недостает этому определению, — это то, что близкие и дальние родственники должны были происходить только по отцовской линии. Таким образом, тухум был строго патрилинейным, если иметь в виду родственное ядро; но гетерогенным в целом, поскольку в число его членов могли входить принятые под его покровительство переселенцы.

На Северном Кавказе до русского завоевания сложилось *два основных типа тухумов*. Первый из них встречался только на Северо-Восточном Кавказе, в основном в Дагестане. Население каждого аула в Дагестане обычно состояло из нескольких небольших кланов-тухумов. Как правило (но необязательно), их число было четным. Описание тухумной организации, существовавшей в XIX в. в дагестанском с. Чох, оставил О. Каранаилов. По его словам, со времен основания селения его жители разделялись на несколько тухумов. В прежние времена в ауле господствовал тот, чей тухум был больше. Тухум во всякое время должен был помогать любому из своей среды. По полевым материалам этнографа начала XX в. Г. Ф. Чурсина, в Чохе было 6 родов, или фамилий: Бухас-Магомедовы (Магомед-Мамаловы), Нахибашевы, Шахназаровы, Пакаловы, Сульжилевы и Османовы. Аул управлялся представителями населяющих его родов, причем первые три рода, как многолюдные и сильные, давали по одному представителю каждый, а три последние — Пакаловы, Сульжиевы и Османовы, как малочисленные, все три имели одного представителя. Возможно, что последние три тухума образовались из одного рода, разделившегося на три ветви.

Основной социальной ячейкой кланов в Дагестане была *малая семья*. Семьи объединялись в патрилинейные объ-

единения-субкланы, или *патронимии*, а несколько патронимии уже составляли тухум. Причем тухумом часто называли и патронимию внутри клана, употребляя для обозначения последнего термин тлибил. В русской дореволюционной и в советской литературе было распространено мнение, что в прошлом в Дагестане повсеместно господствовала большая семья или семейная община, к XIX в. распавшаяся на малые семьи. Однако дагестанские большие семьи никогда и никем и не были засвидетельствованы. Здесь мы имеем дело с ошибочным представлением, исходящим из убеждения, что развитие всех народов от первобытности до нашего времени идет по одному пути — от первобытного рода к семейной общине, а от нее — к современной малой семье.

Семьи горцев Дагестана обычно включали в себя два поколения ближайших родственников — родителей и их неженатых детей. Сыновья выделялись сразу же после женитьбы и жили отдельно от родителей. «Если огонь рано зажечь, золы будет много», — говорит аварская пословица: рано отделишься, больше наживешь. Полагалось, чтобы отец построил каждому из них по дому. Это представление настолько укоренилось в сознании горцев, что понятие «жениться» в андийском и аварском языках передается словосочетанием «строить дом» (авар, ригьин гьабизе). На этот обычай указывает и пословица: «Если родится сын — выстроится дом, если родится дочь — разрушится дом». Отцовский дом и земли по адату наследовал младший сын.

Известный ученый Б. В. Далгат отмечал, что родительский дом и все, что находилось в нем, наследовал младший сын, который с родителями и проживал. Вместе с непосредственными заботами о стареющих родителях ему перепала основная часть имущества. Один из любимых сюжетов народных песен горцев — заговор двух старших братьев против младшего, убийство ими младшего брата в пещере или ущелье и раздел между собой его имущества.

Среди таких баллад наиболее известна аварская под названием «Али, оставленный в ущелье». Содержание песни таково. Два старших брата заманивают младшего на ловлю соколят в горном ущелье, опускают его на канатах к гнезду и, отпустив канаты, бросают его там. Младший брат взывает: «Братья родные, дай вам Бог счастья! Мои пятьсот овец, — отцово наследство, — по пять отсчитаю и вам передам. Поле у аула — материно наследство, — веревкой вам отмерю — не оставляйте меня здесь!». Но старшие братья неумолимы: «Отцово наследство — пятьсот твоих овец — сами отсчитаем, а тебя оставим здесь. Перед аулом поле — материн надел — мы сами разделим, но не поднимем тебя». В конце песни Али погиб, сорвавшись со скалы, но ворон рассказал его матери и жене о братьях-злодеях, и их преступление было раскрыто.

Наряду с делением дагестанского тухума на малые семьи, у него была еще одна важная особенность. Дагестанцы предпочитали заключать браки между родственниками по отцовской линии, иначе говоря, их кланы были *эндогамными*. Обычай эндогамии и деления тухумов на малые семьи отличают дагестанцев от других кавказских горцев. Это подметил еще Н. Львов, долго находившийся в плену у аварцев во время Кавказской войны XIX в. По его словам, если условия позволяли, аварцы заключали брачный союз (авар ригьин) между однотухумцами. Эта же черта наблюдалась и у других горцев Дагестана. По словам дагестанского историка XIX в. Гасана-эфенди Алкадари, в прошлом одной из целей в жизни для дагестанца было получить красивую жену из двоюродных сестер. Браки в пределах одного рода считались не обязательными, но предпочтительными. М. М. Ковалевский на основании собранных в Нагорном Дагестане данных так охарактеризовал этот обычай: браки с родственницами признаются более почетными, и обязательство брать жен из собственного рода настолько строго соблюдается, что при невозможности найти подходящую не-

весту в собственном роде жених требует, чтобы избранная им чужеродная подверглась предварительно удочерению со стороны его рода, и затем уже вступает с нею в брак.

При этом браки вне своего клана обычно не считались каким-то табу, но и не поощрялись. Многолюдные тухумы в дагестанских селениях встречались редко. Большинство тухумов включали всего по несколько десятков человек. В общине в 100–150 домов число кланов доходило иногда до шести и более. Село Кубачи конца XVIII в. имело 12 тухумов, в лезгинском селе Ахты середины XIX в. их было 40. При тысячелетнем господстве строгой тухумной эндогамии эти маленькие кланы давно должны были выродиться. Однако этого не произошло. Кроме того, есть немало свидетельств о браках между членами конкретных тухумов одного селения. Главным условием таких союзов было равенство происхождения клана — из горской знати, свободных общинников, крепостных или рабов. Например, Г. Ф. Чурсин сообщал, что все три тухума Согратля считаются равными по происхождению и вступают между собою в браки. Население аула Мугурух заключало в себе четыре тухума. Все четыре тухума считались равными по происхождению, и браки между членами различных родов не возбранялись. Мугурухцы вступали в брачные союзы и с другими родами.

Об отношении горцев к нарушению тухумной эндогамии хорошо говорит аварская народная песня. В ней девушка, вышедшая замуж за юношу из другого клана, оплакивает свою судьбу:

*Отцовский тухум (къибил) в ссоре со мной,
Говорит, что я взялась за ветку дерева без корней,
Материнский тухум со мной во вражде,
Говорит, я испила воду из ручья без начала.*

Известный специалист по этнографии Дагестана М. А. Агларов, приведя запись этой песни, обращает внимание на то, что в песне отец и мать девушки также принадлежат к раз-

ным тухумам. Таким образом, междухумные браки хотя и осуждались общественным мнением, но встречались в повседневной жизни.

Строже соблюдалась эндогамия внутри сельской общины. В подавляющем большинстве случаев, а иногда и всегда (например, в с. Кубачи) браки заключались только в пределах аула, общины. Если населенный пункт сам по себе еще не представлял собой общину, а был только его частью, то браки заключались свободно в пределах населенных пунктов, составлявших сельскую общину, т. е. круг эндогамии расширялся., Знаток обычного права Б. В. Далгат отмечал, что даргинцы обыкновенно берут невесту в своем селении, хотя иногда берут и в чужом, но это считается стыдом. По адату, внеаульные браки считались преступлением против родной общины. Повинные в них наказывались крупными штрафами. Интересно привести одно старинное предание из даргинского селения Хаджал-Махи. Оно гласит, что, когда после одной из кровопролитных войн в селении осталось намного меньше взрослых мужчин, чем незамужних женщин и девиц, то на народном собрании кто-то внес предложение разрешить выдавать хаджалмахинок в соседние селения. Однако седобородые старейшины с негодованием отвергли это предложение. Они били своими палками о землю и кричали: «Сами возьмем по семь жен, остальных тоже женим на скольких надо, но на чужих не разрешим!».

Совсем иначе выглядела тухумная организация у вайнахов (чеченцев и ингушей) и горских народов Северо-Западного Кавказа. Это были огромные фамилии, каждая из которых могла включать по несколько тысяч человек, селения которых могли быть разбросаны по обширной территории. Несколько десятков таких фамилий составляли ядро народности. Они назывались по имени родоначальников или тех мест, в которых жили. Например, чеченские селения Парчхой и Юрт-аул еще в XIX в. относились к одному клану

Парчхой, который, по народным преданиям, в XIV в. спустился из местности Нашха в Аккинских горах и обосновался в долине Терека. Выходцы из той же местности основали в междуречье Аксяя и Ярыксу крупные аулы, называвшиеся каждый по имени своего тайпа — Беной, Курчалой, Цонтарой, Цечой или Кешен-аул. В высокогорье чеченские и ингушские кланы объединяли до десятка небольших селений. На равнине и в предгорьях им нередко принадлежали аулы в 200 и более дворов.

По словам У. Лаудаева, каждая фамилия называлась именем своего родоначальника, водворившего ее в Чечне, гордилась этим именем и охраняла фамильные интересы от ущерба со стороны других фамилий. Это были своего рода многочисленные мелкие республики, объединенные общим языком. Его современник Н. Ф. Грабовский отмечал, что тайп или фамилия у ингушей играли значительную роль, особенно если были многочисленными. Чем многочисленнее род,, тем он сильнее. Поэтому большие роды обычно оказывали и большее влияние на общественные дела. Любой член такого тайпа был наиболее защищен как в отношении покушений на свою собственность, так и как личность. Украсть что-нибудь у члена сильной фамилии, убить или ранить его — значит нажать себе неминуемую гибель или, по меньшей мере, неприятность и беспокойство на продолжительное время, так как потерпевшие стремились отомстить обидчику всеми силами.

Основную ячейку клана у чеченцев, ингушей, осетин, а также адыгских народов Западного Кавказа составляли не малые, а большие семьи, существовавшие здесь вплоть до начала XX в. Кабардинцы называли большую семью *бынышхуэ*. Она обычно состояла из 3–4 поколений и включала в себя несколько десятков родственников по мужской (реже и по женской) линии. По наблюдению русского этнографа Н. Н. Харузина, у ингушей нередко можно было встретить семьи, в которых жило до десяти взрослых мужчин. Согласно материалам

Б. В. Далгата, общее количество членов большой ингушской семьи доходило до 20–40 человек. Г. Ф. Чурсин описал в горах Южной Чечни типичную «патриархальную семейную общину», состоящую из 30–40 человек, живущих под одной крышей и составляющих одну хозяйственную и общественную единицу. Глава дома Али ведал всеми мужскими работами. Хозяйка дома руководила хозяйственной деятельностью женских членов семьи, распределяла между ними работы, следила за их исполнением. Большие семьи объединялись в патрилинейные общины родственников по отцовской линии, а те уже образовывали тайпы.

Члены большой семьи подчинялись власти самого старшего и авторитетного родственника по мужской линии — патриарха. Кабардинская поговорка «В семье должен быть порядок» означает, что семья должна следовать установленным адатом семейным порядкам. Согласно одной из норм обычного права кабардинцев, решение родителей — закон. Записанный в 1847 г. у кабардинцев семейный адат отмечал: «Отец полновластен над своими детьми, и последние должны во всем повиноваться ему... Дети по закону Магомета и обряду (подразумевается адат) должны быть родителям покорны и послушны, сопротивление воле родителей — тяжкий грех, а по обряду стыд...» На практике это означало, что глава большой семьи мог единолично решать такие важные семейно-хозяйственные вопросы, как продажа и обмен скота, продажа и обмен рабов и крепостных, раздел семьи, заключение договоров и т. д. Только от решения патриарха зависело участие остальных членов семьи в этих операциях.

Большие семьи горцев Северного Кавказа, объединенные в кланы, были *экзогамны*. Обычное право строго запрещало молодым людям жениться и выходить замуж за членов кланов своего отца и матери. Экзогамия простиралась до седьмого колена: браки между представителями восьмого поколения по линии как отца, так и матери не запрещались. Пре-

пятствием к браку считалось не только кровное, но молочное и искусственное родство. Если мальчик или девочка, не являющиеся родственниками, были выкормлены молоком одной матери, то обычай запрещал не только им, но и их детям вступать в брак. Не могли вступать между собой в брак члены семей, связанных узами *аталычества* (так назывался обряд усыновления и воспитания детей горской знати в домах зависимых от нее семей), *побратимства*, а также родства, установившегося с членами семей, в домах которых на время свадьбы останавливались жених и невеста. Нарушение клановой экзогамии считалось большим преступлением и строго наказывалось. У адыгов сохранились предания о том, что отца нарушителя этого запрета в старину бросали в глубокую яму и забрасывали камнями или навсегда изгоняли из общества.

Психологическая необходимость клана и большой семьи для горца во многом объяснялась традициями внутриклановой поддержки и кооперации. Горцы привыкли к помощи родственников и соседей при выполнении различных хозяйственных работ, а также в случаях нужды и несчастья. Одним из первых русских авторов об этом обычае (адате) на примере аварцев рассказал Н. Львов. По его наблюдениям, некоторые работы, как, например, унавоживание полей, лушение и молотьба кукурузы, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, обмазывание глиной саклей, набрасывание на их крыши земли и т. п., исполнялись родственниками, соседями или знакомыми, которых приглашали на помощь (*гой*). В таких случаях устраивали более или менее щедрое угощение: с водкой, бузой и чабою (традиционные алкогольные напитки), а иногда и с калмыцким чаем.

Г. Ф. Чурсин описал аварский гой или *гъвай* во время сенокоса. Таким же порядком соседи аварцев лакцы составляли «сборный плуг» (*лак. марша*) и распахивали свои нивы. При существовавшей в горах бедности населения далеко не все семьи горцев имели пару быков и плуг. Три-четыре хозя-

ина объединялись, чтобы общими силами вспахать свои небольшие участки пахотной земли. Один давал одного быка, другой — другого, третий — плуг, четвертый поставлял человеческую рабочую силу — пахаря. Пахали по очереди у каждого из участников «помочи», причем пахаря кормил хозяин нивы, которую он вспахивал. Вообще обычай взаимопомощи при запашке полей был широко распространен у кавказских народов. Не менее широким распространением пользуются у них и другие виды взаимной помощи. Аналогом аварского гъвай являются даргинская *билкъя*, кумыкская *булкъя*, лезгинский *мел*. У карачаевцев этот обычай назывался *мамат*, у осетин — *зуу*, у ингушей — *белхи*.

Родовые культы и атрибуты клана

Кроме хозяйственной кооперации, единство членов одного клана спланивали *родовые культы*. У многих горцев Северного Кавказа сохранились языческие праздники, на которые собирались члены клана. В конце XIX в. Б. В. Далгат отмечал, что у осетин, чеченцев и ингушей существуют патроны или боги-покровители, общие всему племени или отдельному обществу из нескольких семей и, наконец, боги-покровители отдельных аулов или отдельных родов. Они называются *эрдами* или *ердами*, а у ингушей — *цуу* и *дяла*, а также *ерда*. Особенно распространены были эти культы у осетин. В Северной Осетии, по свидетельству А. М. Ладыженского, вплоть до начала XX в. у каждого клана было родовое святилище *дзуар* (родового духа-покровителя). Тут ежегодно справлялся храмовый праздник и устраивался родовой пир (*кувд*). Члены рода, переселившиеся в другое место, присылали своих представителей праздновать родовой *кувд* у *дзуара*. О родовых культах адыгов и карачаевцев пишут путешественники XV–XVII вв.

У народов Дагестана, большинство из которых стали мусульманами в VIII–XIV вв., чисто языческих родовых культов

не сохранилось. Под влиянием ислама эти культы сменились почитанием мусульманских шейхов. О. Каранаилов описал один такой культ, существовавший в XIX в. в Чохе. Чохский тухум Османов, по легенде, произошел от арабов, приехавших с Абу-Муслимом (легендарный герой-исламизатор Дагестана). Поэтому в ураза-байраме, когда из мечети выносили значок и саблю, оставленные Абу-Муслимом, их нес кто-нибудь из тухума Османов. Никто другой не смел взять эти реликвии.

В большие праздники весь тухум собирался у мечети. В огромных общественных котлах варили мясо. К настоящему времени таких котлов уже не сохранилось. Но еще в 1927 г. Г. Ф. Чурсин видел в аварском селе Урада огромный общественный медный котел, вмещавший целого быка. В некоторых селениях для родовых празднеств служили большие дома, состоявшие из одного зала, который поражал своей величиной (до 100 кв. м и более при высоте часто более 4 м). Здесь справляли свадьбы и иные общественные и фамилно-родовые празднества и ритуалы. Такие здания сохранились в нескольких десятках горных селений Дагестана.

Кроме больших домов и общественных котлов на Северном Кавказе сохранились другие материальные памятники существования горских тухумов. Среди них в первую очередь *родовые башни*. Наибольшее распространение они получили в Чечне, Ингушетии, Северной и отчасти Южной Осетии и в Сванетии. Осетины прежде называли эти постройки *ганах*. Впервые о родовых башнях у ингушей и чеченцев упоминают проходившие через их земли русские послы XVII в. Ф. Волконский и А. Хватов. А. Гаксгаузен описал родовые башни южных осетин. Дома жилищных представляли собой четырехугольные каменные строения в два или три этажа с выдающейся посередине башней с плоской земляной крышей. Дом окружали высокой стеной с небольшими караульными башнями по углам, на которые взбирались по приставным лестницам.

Путешественник второй половины XVIII в. Я. Рейнегг приводит выразительное описание осетинской родовой башни. По его словам, вожди и знатные люди этого народа обносили свои жилища высокой, крепкой каменной стеной, в каждом углу которой находились длинные, выдающиеся наружу, острые колья или частокол, на которых висели лошадиные головы и другие кости животных; за этим частоколом и между кольями были положены в аршин вышиной камни, чтобы можно было немедленно воспользоваться ими при внезапном нападении.

У ингушей и осетин кланы имели родовые башни-крепости, куда они укрывались в моменты борьбы с другими родами. Существовала поговорка: «Человек при жизни должен иметь родовую башню, а после смерти родовой склеп». У знатных кланов порой бывало по нескольку башен. Еще в конце XIX в. ингушские фамилии Эгиевых, Таргимхоевых и Хамхоевых в своем прошении наместнику на Кавказе доказывали свою знатность и право на обладание обширными территориями тем, что их предками на этих участках были построены 15 башен под названием Кхя-Кале, т. е. «трехбашенные». Семьи, принадлежавшие к роду, не владевшему башней, чувствовали себя беззащитными. Старинная ингушская пословица гласит: «Холод тому, кто далеко от башни отходит, тепло тому, кто у башни сидит», а осетинская: «И тень от своей башни греет».

Некоторые башни служили клану только во время войн и междоусобиц. Другие использовались как жилые постройки. Они состояли из трех и более этажей. В верхних запирали женщин, домашний скарб, в нижней — скот. Второй этаж был жилым. Нередко его занимала одна большая семья. Горцы продолжали строить башни вплоть до 1-й половины XVIII в. К этому времени у каждого из горских народов выработались свои каноны башенной архитектуры. Самыми высокими из них были ингушские башни. Они достигали в высоту 25–26 м и включали пять или шесть этажей, средние из которых использовались для жилья.

В горах Ингушетии до сих пор сохранились целые башенные комплексы: Эрзи, Таргим, Эгикал и др. Боевые башни имелись также у аварцев, андийских и цезских народов горного Дагестана. Аналог большесемейных башен наряду с каменными башнями, замками представляли монументальные деревянные сооружения карачаевцев Балкарии, Чегема и верховьев Кубани, которые назывались постройками с крытым двором (карач. башы джабылгъан арбаз или просто *арбаз*). Это жилые дома с сараями для скота и подсобными помещениями, расположенные вокруг огромного крытого двора. В этих деревянных крепостях проживало до 7—9 семей одного рода. Крепостные крестьяне селились вокруг, а патриархальные рабы жили внутри этих сооружений. Над двором устраивали пологую двускатную земляную крышу со световыми окнами. Арбаз имел один вход и мог играть роль родовой крепости. Стены его сооружали из толстых бревен. Вход закрывался массивной двойной дверью. Крытый двор использовали для содержания скота, хранения дров и сена. Здесь же собирались во время семейных праздников. Строить их прекратили в середине XIX в.

В ряде равнинных и горных районов Северного Кавказа до XIX в. встречались другие материальные атрибуты больших и малых кланов. Это родовые кварталы, заселенные членами одного тухума. У карачаевцев такие кварталы носили имя *тийре*. Вокруг их располагались пашни и покосы, находившиеся в подворном владении принадлежавших к клану больших семей. У некоторых тийре были свои родовые мечети и кладбища. Тийре разделялось на владельческий поселок (кабак), поселки вассалов и подвластного населения. По устным преданиям, большинство горных дагестанских селений тоже делились на однотухумные кварталы. Границами кварталов служили улицы селения. Центром общественной жизни служили квартальные и соборная мечети с площадью (*годекан*, *гим*) перед ними. Здесь собирались сходы кварталов, отмечали се-

мейные праздники. Здесь старики проводили большую часть дня. В горном Дагестане известны и тухумные кладбища. Некоторые крупные селения имели столько же кладбищ, сколько родовых кварталов. Так, в селе Шиназ их было 13, в селе Кубачи — 12.

Родовые башни, кварталы, земли и кладбища служили материальными символами, в которых выражалось достоинство и знатность каждого клана. На Западном Кавказе кланы имели также свои родовые знаки — *тамга*. Тамгой метили лошадей и крупный рогатый скот, изображали ее на надгробиях и стенах домов членов клана.

Традиционные сословные иерархии

В горских обществах социальное положение человека определялось тем, к какому клану (роду) он принадлежал. Правильно заметив эту особенность горского общества, многие дореволюционные авторы чрезмерно преувеличивали первобытность и эгалитарность кланового и общественного устройства горцев. Ученые часто рисовали сельские общины дагестанских горцев или западных адыгов как патриархальные «демократические республики». Это ошибочное представление, к сожалению, довольно распространено и среди современных российских историков и этнографов, пишущих о «военной демократии» на Северном Кавказе до его русского завоевания (см., например, работы историка М. М. Блиева и этнографа Я. В. Чеснова). Более пристальное изучение горского общества обнаружило, что оно представляло собой сложную иерархию сословий.

Наиболее сложным и запутанным было сословное деление на Северо-Западном Кавказе. Оно включало четыре основных общественных слоя: князей, дворян, крестьян и рабов. Самый полный вариант сословной иерархии существовал в Кабарде и Карачае. На верху сословной иерархии стояли

князя-пши (пщы), у второго бий, ысхылты. Наиболее знатными в Кабарде считались княжеские кланы Атажукиных, Мисостовых, Кайтукиных, Бекмурзиных, Гелестановых и Таусултановых. В их фамилии недаром вошли тюркские титулы, указывающие на высшее социальное положение, — бек, мирза, ата. В Карачае к биям относились Крымшамхаловы, Мударовы, Дудовы, Карабашевы, Урусбиевы и др. Слой лиц, принадлежавшей в прошлом к князьям, рожденных от князя и женщины не княжеского сословия, считался подкняжеским сословием. В Карачае оно разделялось на *чанкала* и *тума-чанкала*, в Кабарде — *тума*. В Карачае существовало также сословие *эсекку-эльтут*, или тумы, которые происходили из княжеско-крестьянского смешения.

На сходах князей Кабарды вплоть до XVIII в. избирался главный князь — самый старший из них по возрасту и наиболее способный к управлению обществом. Согласно обычному праву, в пределах своего княжества он являлся верховным земельным собственником и обладал высшей политической властью. В «Записке о привилегированных сословиях Кабардинского округа», составленной уже при российской администрации в 1862 г., отмечалось, что «управление Кабардой как по внешним, так и по внутренним делам, равно и предводительствование вооруженными силами, исключительно принадлежало княжескому сословию, которое, кроме сего, пользовалось правом возведения лиц свободного состояния в достоинство зависимого от себя ворка подарками им земельных участков и разрешением селиться особыми аулами». Князья Большой Кабарды смогли распространить свою власть на большую часть Северного Кавказа.

Вассалами кабардинских князей были кланы *тлекотлешей* и *дыжиниго* (кабард. дыжьыныгъуэ). Это было высшее горское дворянство. В документах XVIII в. они известны под названием «лутчих», «старших» и «знатных узденей». В Карачае первостепенные уздени (сырма-ёзденле) трех разря-

дов (уллуздени, сараймауздени, кертиуздени) обладали большими правами, правда, некоторые сараймауздени находились в такой же зависимости от своих князей. Низшее горское дворянство включало кланы беслан-уорков, уорк-шаотлугусов и пшикеу. Уорк-шаотлугусы являлись вассалами вассалов князей. Внизу сословной лестницы горского дворянства находились кланы пшикеу, исполнявшие при князе функции полицейских и судебных исполнителей. Они составляли личную охрану князя, взыскивали в его пользу штрафы, следили за порядком в его владениях и наказывали преступников. Карачаевские кертиуздени составляли среднее дворянское звено, тогда как карауздени, тёбенуздени, каракиши были в таком же положении как беслан-цорки, шаотлугусы и пшикеу у кабардинцев.

Ниже князей и дворян в адыгском обществе стояли кланы крестьян, представленные рядом сословий. Крестьяне-общинники образовывали в Кабарде сословие *тлхукотлей* (или тфокотли — «неблагородные»). Часть из них, как и карачаевские сыйсыз-уздени («непочетные», «незнатные» уздени), была лично свободна, другие находились в крепостной зависимости от князей и дворян. Выделялась отдельная категория крепостных крестьян («княжьи»), известных в Карачае как *юлгюлю-кул*. В Карачае эта категория крепостных называлась *джоллу-кул*. Согласно адату повинность последних имела вид барщины. Если князь или дворянин отпускал на свободу своего крепостного, то тот назывался *азатом* (от ср.-перс, азат — «свободный»). Как правило, при этом брался выкуп, нередко составлявший все имущество, которым пользовалась семья бывшего крепостного. Клань азатов образовывали еще одно сословие карачаевского и кабардинского обществ.

В самом низу сословной и социальной лестницы стояли «безобрядные холопы» или домашние рабы *унауты* (кабард), чьи права не гарантировались адатом («обрядом»). Унауты считались полной собственностью хозяина, жили

при нем, не имели права на семью, продавались, передавались по наследству и отдавались в счет долгов и платежей. Для женщин-унауток и карадашей (карач.) признавалось только простое сожителство с крестьянином с разрешения хозяина. Обычно-правовая норма гласила: «Всякий уздень волен холопку отдать мужчине, ему принадлежащему, кому заблагорассудится с тем, чтобы прижитые дети принадлежали ему, узденю». О браках мужчин-унаутов существовал адат: «Мужчина-унаут, достигший совершеннолетия, имеет право требовать от владельца покупки ему жены логонаут; при таком браке он и его дети обращаются в обрядных логонаут».

Отношения князей с дворянством и другими сословиями горского общества строились по принципу т. н. *уорктына* и *ёзденлика* («узденской дани» или «дворянских подарков»). При помощи этого образовывалась иерархическая лестница, связывавшая большинство сословий горского общества. За военную службу князь «дарил» землю с прикрепленными к ней крепостными своему вассалу. Тот в свою очередь также за службу предоставлял часть земли в виде той же дани своему вассалу. Последний передавал свою землю крестьянским кланам на правах общинного землепользования и с условием несения оброчных или барщинных повинностей. Одновременно с дворянином князь уступал часть земель другому своему вассалу – низшему дворянину, а тот передавал ее своим крестьянам. «Подарки» князей дворянам-узденям должны были периодически возобновляться. Причем, согласно кабардинскому адату, дарящий не мог отказать своим вассалам-дворянам ни в чем. Порой они принимали такую преувеличенную форму, что, как свидетельствовали очевидцы, если уздень увидит у владельца деньги, хорошее платье, шапку или другое, что ему понравится, владеlec не должен был ему отказывать.

Устанавливая отношения вассалитета между сословиями, обычное право кабардинцев запрещало браки между ними.

Согласно статье 11 Древних кабардинских обрядов, князья могли жениться только на княжеских дочерях, уздени на узденских, вольные на вольных, холопы на холопках. Рожденные от неравных браков лишались отцовских сословно-имущественных прав. Сын князя и дочери дворянина-узденя или зависимого крестьянина не считался князем.

Адат не запрещал браков между представителями мусульманских народов Северного Кавказа, но требовал при этом, чтобы социальное положение жениха и невесты было равным. Так, кабардинские князья и уздени нередко вступали в брак с представителями княжеских и дворянских кланов балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин, кумыков и других кавказских горцев, но воздерживались от брака, например, с абазинами, считавшимися ниже их по рождению.

Сословное деление народов Дагестана, осетин и вайнахов было проще. Наверху сословной иерархии стояли князья и дворяне: ханы и беки, но лишь там, где таковые имелись. Предгорья и равнина Дагестана и Чечни находились под властью дагестанских ханов. Самыми древними и знатными ханскими родами здесь были кланы шамхалов Казикумухских (позднее Тарковских), нуцалов Аварских, уцмиев Кайтагских, кадиев и майсумов Табасаранских, эмиров Дербентских и ханов Кюринских. Все они возводили себя к потомкам пророка Мухаммеда, пришедшим на Кавказ с Абу-Муслимом, который, по легенде, обратил в ислам дагестанцев еще в VIII в. Сохранились генеалогии этих кланов, записанные на арабском и тюркском языках в XV–XIX вв. Но сами титулы шамхалов, нуцалов, уцмиев и майсумов появляются в XIV в. и, по предположениям современных лингвистов, имеют тюркское происхождение. Тогда же были сочинены и фиктивные генеалогии, обосновывающие права дагестанских князей родством с первыми арабскими завоевателями Дагестана.

Наиболее могущественным из дагестанских князей были шамхалы. Как и кабардинские князья, они возглавляли опол-

чения горцев. В эпоху могущества шамхалов в XV–XVI вв. они возглавляли ополчения горцев, доходившие до 100 тыс. человек. Другие ханы и беки, а также сельские общины (от арабск. джамаат) горного Дагестана платили им ежегодную дань. В пору наибольшего могущества Казикумухского шамхальства родственники и клиенты шамхалов проникли в ряд высокогорных джамаатов. От них ведут свое начало бекские тухумы шамхалов, до сих пор встречающихся в аварских аулах Гидатля, у лакцев, андийцев, ботлихцев, чамалал, багулал, хваршин и других народов горного Дагестана.

Беки (или беги) занимали следующую ступень сословной иерархии. Так называли дворян, находившихся в вассальной зависимости от ханов. По мнению М. М. Ковалевского, кавказские беки происходили от служилого сословия. Их отношения к князьям исчерпывались выступлениями в составе горского ополчения в военное время. Кумыкским бекам платили дань чеченские тайпы. Некоторые бекские кланы имели знатное происхождение. Они возводили себя к Гиреям, династии крымских ханов, которые с XV в. участвовали в завоевании и исламизации Северного Кавказа.

У осетин бекскому сословию соответствовали кланы *стыр* или *тыхджын мыггаг* (осет. «большой, сильный род»). По материалам, собранным осетинским поэтом Костой Хетагуровым, члены такой фамилии, будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом. К ним обращались за советом, приглашали судить и примирять враждующих. Поручительство их было надежно, покровительство прочно, ссориться с ними было опасно. Им принадлежали лучшие нивы, леса, луга и пастбища.

Как уже отмечалось, обычное право запрещало браки между сословиями. Потомки от неравных браков ханов и беков (с узденками, раятками и т. п.) считались ниже беков по своему общественному положению. Их называли *чанки* (или

джанки). По достижении совершеннолетия чанка получал незначительную долю из отцовского имения, выделялся из родительского дома и уже больше не мог претендовать на наследство от отца, так как не считался членом этой семьи. Через несколько поколений его происхождение забывалось, и он сливался с остальным свободным населением. С распространением в XV–XVII вв. власти казикумухских шамхалов на земли Нагорного Дагестана, а кумыкских беков на Чечню чанки добились власти во многих сельских общинах горцев.

Основное население Нагорного Дагестана, Чечни и Ингушетии было представлено кланами свободных общинников, носивших здесь имя узденей. Узденями называло себя вообще все свободное население Дагестана, как западной нагорной его части, не входившей в состав каких-либо политических организаций с единой державным характером правления, так равно и население ханств и других владений, не состоявшее в обязательных отношениях к высшим сословиям. Уздени делились на богатых, средних и бедных; родовую знать и менее родовитых, коренных и пришлых и т. д. Все уздени участвовали в народном собрании общины, служили в ополчении своих джамаатов. Выборные от каждого узденского тухума образовывали совет старейшин или правителей, управлявший сельской общиной или «сельским обществом».

Общины нередко объединялись в военно-политические союзы. Аварцы называли эти конфедерации *бо* (букв, «войско»), даргинцы — *хураво*. Русские дореволюционные авторы дали им название «вольных обществ». Войско конфедераций включало в себя боеспособных мужчин всех тухумов. Этим войском, равно как делами аула, руководили тухумные старшины. «Вольные общества» возникли первоначально для обороны от воинственных соседей или совместных нападений на них. В позднее Средневековье они уже не были механическим объединением ополчений общин. Каждая такая конфедерация обладала единым выборным правительством из

представителей входящих в нее джамаатов, общим кодексом законов, закрепленным в адатах, единым хозяйственно-культурным организмом и нередко общим «войсковым» (авар. болмац!) языком. «Вольные общества» положили начало целому ряду народов и этнических групп Северо-Восточного Кавказа, таких, как даргинцы, андийцы, багулалы, чамалалы, тиндинцы, дидойцы, бежтины, хваршины.

Между узденями и кланами чанков издавна велась борьба не на жизнь, а на смерть за право управления сельской общиной. К концу XVIII в. перевес в ней оказался на стороне узденей. В ряде сельских общин принимаются адаты, поставившие чанков вне закона. Нельзя было вступать в брак с беками. Нельзя было продать недвижимость лицам бекского происхождения. Нельзя было принимать от беков какую-либо плату за услуги и соответственно оказывать их бекам. Наконец, бекам было отказано даже в святой святы для горцев Кавказа — гостеприимстве и пище — «Если один из нас даст ему пищи или одолжит ему что-либо, то с него взимается один бык».

Предпоследнее место в сословной иерархии занимали семьи крепостных *райятов*, прикрепленные к землям беков и служилых узденей. Раятами в Дагестане называли зависимых поселян, получивших от своих владельцев постоянные наделы. Они были лично свободными, но обложены разными повинностями, как денежными и натуральными, так и личными. Наибольшего распространения раяты получили в Табасаране, где встречались целые раятские селения. Клань раятов обычно не имели права называться тухумами. Статус тухума здесь, а также в Дербенте имели только феодальные фамилии. По местному адату табасаранские беки не только управляли, но и судили раятов, взимая в свою пользу штрафы за совершенные ими проступки. В Осетии близкое к раятам положение занимали семьи *фарсагов* (осет. «находящиеся сбоку, действующие заодно») и *кавдасаров*. В горах Чечни, Ингушетии и Северного Дагестана раяты практически не встречались.

В самом низу сословной иерархии здесь, как и по всему Кавказу, стояли рабы. В Дагестане их называли *кулами*, *каравашами*, *казаками*, в Чечне и Ингушетии — *лаями*, в Северной Осетии — *алхад*, *садляг*. Источниками формирования лагского сословия были военные походы и работорговля на невольничьих рынках. В высокогорной части региона рабов было немного. Зато в центральной, предгорной Аварии, в Лакии, у даргинцев и кумыков лагское сословие занимало видное место и играло большую роль в хозяйственной жизни общины. Здесь рабов также называли по имени тех народностей, у которых они были захвачены, — «грузинами», «персами». Вольноотпущенники, арендовавшие землю своих хозяев, в Дагестане образовывали особую группу чагаров. Как рабы, так и вольноотпущенники могли образовывать целые тухумы. Но чаще они входили в семьи и кланы своих хозяев. Рабское происхождение препятствовало продвижению по социальной лестнице. Они не могли быть свидетелями в суде, должностными лицами джамаата и совладельцами общинных пастбищ.

Глава вторая

Перестройка горского общества, сословные реформы и переселения XIX века

Присоединение Северного Кавказа к России, завершившееся на его северо-западе во 2-й половине XVIII в., а в горах Адыгеи, Дагестана, Чечни и Ингушетии к 60-м гг. XIX в., привело к глобальным социальным потрясениям. Привычные условия существования горцев были сильно изменены. Это вызвало трансформацию социо-нормативных институтов горского общества. Ряд из них, такие как сословная иерархия, пережили глубокий кризис. Другие изменили свои смыслы и предназначение.

Перестройка горского общества на Северо-Западном Кавказе была начата российскими властями еще в конце XVIII века. В правление Екатерины II «мирным горцам» было запрещено созывать сельские ополчения и княжеские дружины. Функцию охраны горского общества взяло на себя Российское государство. Оно также присвоило право судебной власти. В 1793 г. в Кабарде были учреждены «родовые суды» и «расправы». Они подчинялись Верхнему пограничному суду в Моздоке и разбирали на основании адата гражданские иски и мелкие уголовные правонарушения. Князьям-пши и дворянам-узденям было предложено поступить на русскую военную или гражданскую службу. В частности, в штат Верхнего пограничного суда, кроме моздокского коменданта и двух русских офицеров, входили также по шесть кабардинских князей и дворян.

В дальнейшем судебная система и военное устройство Кабарды не раз менялись. Русские власти создавали здесь то шариатские, то российские, то адатные суды. Однако высшая судебная и военная власть с тех пор перешла к государству.

Судьбы привилегированных сословий

Горские князья и дворяне постепенно превращались в служилое сословие Российского государства. Законы 1820–1850-х гг. лишили принявших российское подданство адыгских князей почти всех их былых привилегий. Они потеряли право созывать войска, объявлять войну, совершать набеги, взимать дань с прежде подвластных им народов. Князья уже не считались верховными земельными собственниками в Кабарде. Большинство княжеских кланов к середине XIX в. обеднело. Чтобы прожить, обедневшие пши должны были поступать на русскую службу или тайком заниматься наездничеством. Значение княжеского сословия у горцев Северо-Западного Кавказа постепенно сходит на нет. Из полновластных владык горского общества они превращаются в частных лиц на русской службе. Та же метаморфоза происходила с дворянством и князьями абазинских обществ, Балкарии и Карачая, Осетии.

Прежняя сложная иерархия горцев Северо-Западного Кавказа постепенно сходила на нет. В 20–50-х гг. XIX в. разница между сословиями низшего дворянства почти полностью стерлась. Уже в 1825 г., когда ген. А. П. Ермолов, окончив покорение Кабарды, поручил капитану Я. Шарданову из числа кабардинцев, поступивших на русскую службу, составить записку о сословной организации края. В Записке Я. Шарданова все высшее дворянство было объединено в группу узденей первой степени, выше которых стоят только пши. С ослаблением вассально-иерархических связей дворяне стали более независимыми по отношению к своим сюзеренам. К концу XIX в. различия между разными категориями княжеских и дворянских кланов настолько стерлись, что сами горцы перестали разбираться в сложной сословной иерархии своих предков.

В Дагестане положение ханов, беков и чанков было подорвано в период Кавказской войны. В это время окончательно

потеряли независимость шамхал, уцмий, майсум и кумыкские беки, принявшие российское подданство. С начала XIX в. во главе каждого мусульманского княжества на равнине и в предгорьях был поставлен комендант из числа русских обер-офицеров. Он должен был править по прежним законам и народным обычаям при помощи местных ханских и бекских фамилий. Постепенно административная и судебная автономия мусульманских княжеств уничтожалась. К концу Кавказской войны ханы и беки порой добровольно, порой под нажимом русских властей сложили с себя полномочия правителей. В 1844 г. было упразднено Елисуйское султанство, в 1858 г. — Казикумухское ханство. В 1861 г. фактически был лишен власти аварский хан, в 1862 г. ханство было преобразовано в округ. В 1862 г. правитель отделившегося от Казикумухского в 1839 г. Кюринского ханства Юсуф-бек выехал в Мекку. В ханстве было введено русское правление, а в 1865 г. оно было переименовано в Кюринский округ. В 1866 г. были устранены Кайтагский уцмий и правители Северного и Южного Табасарана. В 1867 г. пришел конец Мехтулинскому ханству и Тарковскому шамхальству. Все бывшие правители получили вознаграждение и пожизненные пенсии.

В Дагестане горскую знать физически истребили в годы Кавказской войны. Она не поддержала «вольных обществ» горцев в их вооруженной борьбе за независимость и отказалась подчиниться шейхам из суфийского братства накшбандия, возглавившим эту борьбу под лозунгами «священной войны против засилья неверных» (газават). Все три имама — Гази-Мухаммед, Гамзат-бек и Шамиль, — вели беспощадную борьбу с горскими князьями и дворянами, принявшими сторону русских властей.

После разгрома имамата Шамиля в 1859 г. Аварское ханство было ненадолго восстановлено, но прошения уцелевших беков о восстановлении их в правах и привилегиях не были удовлетворены русскими властями.

Вместе с кланами горской знати в годы Кавказской войны были уничтожены почти все родовые башни. Несколько раз уничтожалась резиденция аварских ханов в Хунзахе. Русские войска разрушали родовые укрепления горцев, перешедших на сторону Шамиля. Н. Ф. Грабовский, посетивший в 1868 г. Чечню, отмечал, что в Аккинских горах все башни, служившие убежищем абрекам и вообще преследуемым правительством людям, были взорваны русским отрядом в 1860 г. От них остались одни развалины. Та же участь постигла большую часть родовых башен ингушей и осетинских кланов Тагаурии и Дигории, примкнувших к Шамилю в годы Кавказской войны.

Преобразования после Кавказской войны

Сразу после окончания Кавказской войны началось преобразование и низших сословий горцев. По окончании Кавказской войны на Северном Кавказе было создано несколько «Комиссий по разбору личных и поземельных прав туземцев». Одна из них работала в 1860–1869 гг. в Терской, другая — в Кубанской области. В 1869–1876 гг. две «Сословно-поземельные комиссии» действовали в приморском Дагестане и Закатальском округе. Их целью были подготовка рекомендаций по освобождению от личной и поземельной зависимости низших сословий горского общества. При этом учитывался опыт крестьянской реформы Александра II, законченной за несколько лет до этого в Центральной России.

Довольно быстро, уже в 1866–1868 гг., были освобождены все горские рабы — лаги, кули и каравашаи Дагестана, Чечни и Ингушетии, а также кулы, карадаши в Балкарии и Карачае, унауты Кабарды. Часть из них была освобождена безвозмездно, большинство — за выкуп с обязательством прослужить у бывших хозяев от 4 до 6 лет. Тогда же началось осво-

бождение крепостных. Всего было освобождено около 700 рабов и 4302 семей раятов Дагестанской области и более 26 тыс. человек в Терской и Кубанской областях, из которых большинство прежде относились к крепостным сословиям. Окончательное освобождение крепостных затянулось в Дагестане до 1913 г. Этими мерами российские власти окончательно разбили прежнюю сословную иерархию горцев. Бывшие рабы и крепостные были отчасти уравниены в правах со свободными общинниками. Они получили возможность владеть землей и участвовать в сходах сельской общины.

Переселения горцев

Для развития горского общества большую роль сыграли переселения горцев из недавно покоренных труднодоступных горных районов на земли на равнине в окружении казачьих станиц. После окончания Кавказской войны командующий войсками Кубанской области генерал Н. И. Евдокимов организовал в 1858–1868 гг. массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа на Кубанские земли. Его план, одобренный правительством Александра II, заключался в изгнании горцев из высокогорья и заселение Западного Кавказа русскими.

В 1862 г. было утверждено положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. Горные аулы сотнями выжигались. Посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители выселялись на равнину под управлением приставов.

Горцы, не пожелавшие переселиться на равнину, вынуждены были покинуть Кавказ и эмигрировать в Османскую империю. Оставшиеся на Северо-Западном Кавказе горцы стали равнинными жителями. Появились современные укрупненные села Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии. Ро-

довые кварталы и селения, принадлежащие одному клану, в них исчезли. В этих поселениях большие семьи распались на малые. Но, как и прежде, все семьи, составляющие клан, продолжали собираться во время свадеб, похорон; клан выступал как единое целое в случаях кровоотмщения.

В советское время борьба с «тайповщиной» сопровождалась высылкой и уничтожением знатных тухумов. Многие фамилии князей и беков эмигрировали с Кавказа за границу еще в конце Гражданской войны, в 1919–1921 гг. Среди них были известные противники Советской власти, такие, как князь Нухбек Тарковский и Рашид Капланов, оба министры Горской республики, князь Магомед-Камиль-хан Дышинский-Арсанукаев, участвовавший в движении Гоцинского в Дагестане, полковник Шер-хан Берладник-Пуковский и многие другие. В 20–30-е гг. оставшиеся на Северном Кавказе представители горской знати, а вскоре и мусульманская верхушка горской деревни, объявленная «кулачеством», целыми кланами высылалась за пределы Кавказа в Казахстан, на Южный Урал, в Сибирь. Так, в 1936 г. из 21 горного района ДАССР было выселено около сотни тухумов, в которых входило 650 семей из 3372 человек. Репрессии обрушились на стариков из знатных тухумов, среди которых было много мулл и мусульманских ученых.

В ходе советских репрессий и колхозных преобразований кланы утратили свое прежнее значение. Теперь они уже не представляли независимой от государства социально-политической организации. В равнинном Дагестане перестали соблюдаться обычаи клановой эндогамии, но традиции аульной эндогамии в горных селениях сохранились до наших дней. Практика эндогамии, перенесенная с тухума на весь аул, дополнительно укрепила единство и солидарность горцев. Управление деревней из рук кланов знати перешло к представителям самых худородных тухумов, включая бывших рабов и крепостных. В колхозе тухумная знать потеряла

свои привилегии и быстро ослабла. Уже к 60–70-м гг. кланы селений перемешались друг с другом. В селах окончательно исчезли родовые кварталы и кладбища. Тухумы распались на отдельные малые семьи. Имена родовых групп для современного поколения горцев давно превратились в названия кварталов.

Но полного исчезновения клановой организации на Северном Кавказе не произошло. Дело в том, что в создании советской государственности в регионе активно участвовали партийные и советские работники из числа самих горцев. Центральные власти поощряли замену старых русских чиновников на Кавказе местными национальными кадрами. С этой целью в 20–30-е гг. во всех советских автономиях региона проводилась политика «коренизации» управленческого аппарата. Но сами горские коммунисты не могли в одночасье освободиться от привычных для любого горца норм поведения в обществе. Добившись власти и привилегий в советском обществе, они должны были помочь «выйти в люди» своим родственникам и землякам. Вокруг партийных функционеров из горцев быстро создавались группировки их родственников и земляков. Причем, в отличие от прежних кланов они включали не только и не столько их родственников по отцовской линии, сколько более широкие территориальные группировки своих односельчан и представителей своей национальности.

Кланы постсоветского времени уже опираются не на большие семьи, связанные родством, а на разнородные в этническом и социальном отношениях землячества горцев в больших городах. Кланы давно превратились в территориальные объединения, связанные не общностью происхождения, а единством политических и культурных задач. Изменилось понятие знатности рода.

Одним из последних веяний стало проведение «родовых собраний», организация и финансирование сбора и публи-

кации материалов по истории своего рода, а также регистрация родового сообщества (фамилии) в качестве общественного объединения. Такие юридические лица уже зарегистрированы, например, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии–Алании.

Глава третья

Обычное право и управление

Адат как тухумное и общинное право

В правовой сфере тухумной организации горского общества издревле соответствовало обычное право, или *адат*. Адат отражал социально-политическую систему, а та, в свою очередь, определила этнографическую ситуацию в регионе. Эту особенность соционормативной культуры горцев заметил еще М. М. Ковалевский. В своей книге «Закон и обычай на Кавказе» он пришел к выводу, что в клановой организации лежит источник всех особенностей обычного права горцев. Гипотеза Ковалевского была подтверждена исследованиями ученых советского времени, в частности В. К. Гарданова об адате адыгских народов, Х.-М. Хашаева, Р. М. Магомедова и М. А. Агларова об обычном праве дагестанских горцев. Выше мы уже писали о применении адата в различных ситуациях, возникающих в горском обществе. Необходимо дать общую характеристику адата как обычного права горцев в его двух основных сферах применения — как в семье и клане, так и между кланами в сельской общине.

Уже первые исследователи кавказского адата заметили, что горцы объединяют под этим понятием три разных явления: обычая, живущего в народном предании; закона, действующего в определенной местности; способа разбирательства судебных дел. В середине XIX в. горцы руководствовались обычаем-адатом в своей домашней жизни, а также судились между собой по адату. «Жить по адату», «судиться по адату» значит жить и судиться по тем неписаным правилам, которыми руководствовались с незапамятных пор. Адаты горцев, народов Дагестана (аварцев, даргинцев, лакцев, кумыков), карачаевцев и их этнических групп были сведены в своды в XIV–XVIII вв. и даже в XIX в.

На Северо-Восточном Кавказе существовала давняя традиция записи адатных норм и постановлений адатных судов на арабском языке. Она прослеживается с XIV в. С XVII в. на Северо-Западном Кавказе известны местные записи адатных норм на староосманском и арабском, а с XVIII–XIX вв. и на русском языке. Кроме отдельных законов и судебных постановлений, существовали целые кодексы обычного права XV–XVIII вв., например Гидатлинские адаты, Кодекс Ума-хана Справедливого, Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана в Дагестане. Инициатором записи обычного права выступали сельская община, «вольные общества» или местные мусульманские княжества. Причем записывались исключительно адаты правового характера. По справедливому замечанию Б. В. Далгата, сборники адатов касались лишь адатов уголовных или процессуальных судебно-правовых норм, а описания бытовых обычаев горцев почти не существует.

Важно иметь в виду, что кавказские горцы жили не только по адату. Наряду с обычным правом у них существовали и другие юридические системы. Горцы-мусульмане также руководствовались нормами мусульманского права (шариата). Исламизация Северного Кавказа, растянувшаяся почти на тысячелетие с VIII по XVIII в., привела к распространению на большей части территории региона ханафитского религиозно-правового варианта или мазхаба суннитского толка. До XII в. его придерживались все мусульмане Кавказа. С XII в. в Дагестане, а к XVI в. в Чечне и Ингушетии перешли к шафиитскому религиозно-правовому варианту (мазхабу) суннитского толка. Адыги и часть осетин, обращенные в ислам турками и крымскими татарами, были ханафитами, как и подавляющая часть населения Османской империи. Главные различия между ханафитами и шафиитами касались толкования целого ряда религиозно-правовых предписаний ислама.

У чеченцев, ингушей, осетин, абхазов, а также андоцезских народностей Западного Дагестана, к которым ислам

проник поздно, кроме местного адата и шариата использовались правовые нормы Грузии, в частности «Уложения царя Вахтанга» (1703—1709 гг.). С XVIII в. вследствие русских завоеваний усиливается влияние на адыгов и других горцев Северо-Западного Кавказа законов Российской империи. Соотношение этих разных правовых систем было следующим. Западная часть Северного Кавказа в целом отдавала предпочтение местным адатам, восточная — шариату. В науке сосуществование адата с шариатом и государственным правом получило название *правового плюрализма*.

Нормы адата в семейных отношениях

Обычное право играло большую роль в регулировании отношений внутри семьи и клана. Адат признавал за отцом право безнаказанно распоряжаться жизнью и смертью членов своей семьи. По адатам кумыков, если отец убивал сына или дочь, то никто не вправе был мстить ему за это. Ингуши объясняли адат об освобождении родителей от ответственности за убийство детей тем, что никто не является врагом себе. У адыгейцев отец мог изгнать непокорного сына, не выделив ему положенной доли имущества. В случае же, если последний продолжал вести себя недостойно, то он мог даже просить друзей или нанять кого-либо, чтобы убить сына. К самым тяжелым уголовным правонарушениям адат приравнивал убийство сыном отца или матери. Горцы Южного Дагестана публично побивали отцеубийцу камнями. У табасаранцев дом его сжигался, и его братья должны были убить его. Сваны и балкарцы надевали ему на шею цепь из камней и изгоняли из общины.

Кроме убийства родителей по адату строго каралось прелюбодеяние. Так, например, у аварцев горец, заставший во время прелюбодеяния свою жену, мать, дочь, сестру, племянницу, внучку или тетку, должен был убить обоих прелюбо-

деев, не внося никому никакой «платы за кровь». Если соблазнитель скрывался невредимым, то между ним и обманутым мужем возникала кровная месть. В некоторых районах, например в верхнем Кайтаге, соблазнитель мог жениться на своей любовнице и примириться с ее прежним мужем, уплатив ему калым. Но обманутый муж вправе был не отдать жену, а убить ее. А. М. Дирр сообщает, что ему в 1904 г. рассказывали, как в Дагестане одна неверная жена была задушена между двумя досками. По древнему адату ингушей муж отрезал или откусывал неверной жене нос, затем публично прогнал ее и требовал от ее родных возратить брачный выкуп (калым), а также уплатить штраф в 48 коров. Обычай отрезать нос жене, нарушившей супружескую верность, был отмечен в XVIII–XIX вв. и у осетин.

В Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии и у т. н. западных «демократических» адыгов (не имевших княжеской власти) община резко вторгалась в семейные дела и регулировала их. Осуждение общественным мнением (а по адату и преследование) расправы по доносу и подозрению послужило сюжетом баллады МугIрул Гали («Али с гор»), популярной среди аварцев, даргинцев и лакцев. Оклеветана молодая жена Али, который находится в горах со скотом. Али доносят, что его жена раздарила своим любовникам украшения, подаренные им ей, когда она была новобрачной. Прибыв в дом и не обнаружив украшений на жене, Али убивает ее, но узнает от умирающей, что украшения ею спрятаны: «Жемчуг и яхонт, что были на моей голове, не посмела носить, когда нет тебя, и, чтоб не поблекли, положила в сундук». В отчаянии, кляня себя, Али ударами кинжала кончает и с собой. Эта баллада со столь трагической развязкой была очень популярна среди горцев.

Кроме того, община пыталась юридически ограничить применение убийства в случае прелюбодеяния. По адатам ряда сельских обществ убийство прелюбодеев разрешалось только в случае выполнения целого ряда условий. Во-первых,

нужно было застать любовников на месте прегрешения. Во вторых, обманутый муж обязан был либо убить обоих прелюбодеев, или сохранить им обоим жизнь ценой большого штрафа и позора. В своде решений Цекобского сельского общества было записано: «Если муж застанет жену и убьет их обоих, то кровь их пропадает, дият за них не взыскивается... Если же любовник остался живым, то он считается кровным врагом до убийства или до примирения с ним. А если жена осталась живой после убийства любовника, то убийца является кровным врагом, изгоняется из селения до тех пор, пока не убьет жену. С него ни дият, ни штраф не взимаются, пока он не убьет или не простит ее в течение года. По истечении года с нее взимается штраф».

В число бесчестных и тяжких поступков входило нарушение неприкосновенности лиц, находившихся под защитой общины: гостей, путников, кровников-канлы, искавших и получивших защиту у общины, священников, суфиев, пастухов или других наемных работников, временно обосновавшихся в ауле ремесленников. Имелись даже специальные постановления по союзам общин (а не только по одному аулу), оберегавшие кровников, нашедших защиту у общества. «Если кто-нибудь из нашего общества подстрекал на убийство канлы, то с подстрекателя взыскивается штраф в размере котла, — говорится в постановлении Гидатлинского союза. — Если же убийство совершилось из-за того, что кто-то донос о кровнике, то с доносчика полагается выкуп (дият) либо к нему применяется кровная месть». Последняя часть, о наказании доносчика, в результате действий которого совершилось убийство канлы, особенно примечательна. Доносчик сам приравнивается к убийце, к нему применяются адекватные меры: дият или кровомщение — настолько велика цена нарушения иммунитета лица, находящегося под покровительством общины и на ее территории.

Согласно обычному праву, клан считался неделимой социальной единицей и юридическим лицом. Это представле-

ние отразилось в обычае соприсяжничества. Чтобы очиститься от обвинения в совершении какого-либо преступления или противоправного поступка в случае, когда явных улик не было, подозреваемый должен был «очиститься» совместной присягой членов его тухума. Количество соприсяжных различалось в зависимости от тяжести обвинения. Так, дело о прелюбодеянии, воспринимаемое как тяжелое правонарушение, требовало у аварцев 26 соприсяжных. Можно привести характерные постановления адата по этому поводу: «Если родственники убитых (прелюбодеев) заявят, что они убиты безвинно, то следует им предложить, чтобы они присягой 15 сородичей подтвердили свое заявление». Вот еще один образец любопытного распределения ролей соприсягателей в случае, когда речь идет об антиобщественном (а не частном) уголовном преступлении: «По делу о поджоге охраняемого общественно-го выгона — 15 соприсягателей (по 5 человек от каждого из трех тухумов)», но: «По делу о поджоге мулька (т. е. частносемейной собственности) 15 соприсягателей из рода обвиняемого». Нередко руководители клана пытались не допустить своих родственников к присяге, боясь ответственности за дачу ложных показаний.

Баранта

Представление о коллективной ответственности клана и шире — всей общины — за совершенное преступление породило на Северном Кавказе еще одну правовую практику. Речь идет об *ишкиле* или *барамте* (вариант произношения *баранта*). Под этими терминами подразумевается захват имущества родственников или односельчан должника с тем, чтобы заставить его выплатить задержанный долг или побудить ответчика удовлетворить истца исполнением другого рода обязательств. Само понятие ишкиль, по предположению И. М. Дьяконова и других лингвистов, имеет древнево-

сточное происхождение. Ишкиль получил широкое распространение на Северном Кавказе. С XVII по XIX в. сохранилась обширная переписка между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о случаях ишкиля.

Шариат отрицательно относился к ишкилю. В XV–XVIII вв. по всему Северному Кавказу мусульманские юристы (факихи) Ахмед Йеменский из с. Кумух, Давуд Хаджияв из с. Усиша, Сайд Араканский, Ибрагим Хаджи из с. Урада вели долгую борьбу с этим явлением как с правовой нормой, несовместимой с шариатом. Но пропаганда против ишкиля успеха не имела. В частности, Ахмед Йеменский, вначале отменивший ишкиль в Кумухе, через несколько лет был вынужден восстановить его. Община, регулируя условия и порядок взимания ишкиля, не отменяла, а утверждала его. Иногда, запрещая ишкиль на своей территории, она поддерживала его за ее пределами. Так, в постановлениях Андалальского общества, где взимание ишкиля на своей территории было запрещено под угрозой штрафа в размере быка, тем же штрафом наказывалось лицо, попытавшееся помешать такому «правосудию» уже за пределами территории общины. Согласно гидатлинским адатам самовольный захват ишкиля без согласия на то старейшин общины был запрещен у лиц, происходивших из Карахского, Келебского и Ратлубского обществ. Это значит, что у Гидатлинского «вольного общества» был договор с перечисленными выше «вольными обществами» о праве властей брать ишкиль в делах, касавшихся договорившихся сторон. С члена других политических образований ишкиль взимался беспрепятственно. Известно немало примеров заключения подобных договоров устно или письменно, при почетных свидетелях из нейтральных обществ.

Применение ишкиля не ограничивалось насильственным взиманием долга. Например, араканцы требовали у общества Охли заставить вора-охлинца возместить убыток и сурово наказать его, в противном случае Араканское общество

грозило применить ишкиль ко всем охлинцам. Ишкиль между обществами или же между обществами и местными князьями достигал иногда крупного размера, служил орудием политического и экономического нажима. К этой категории следует отнести случай, описанный в письме Абумуслима шамхала Тарковского обществу Чиркей (XVIII в.). Он жаловался на захват чиркеевцами 21 пары быков, двух заложников и лошадей то ли у подданных шамхала, то ли у него самого. Таким способом Чиркей добивался у шамхала признания своей политической независимости и освобождения от уплаты дани.

Угроза одной общины другой подвергнуть ее ишкилю означала прежде всего то, что, если какие-либо условия не будут выполнены, истцы могут применить ишкиль по отношению к любому члену общины, откуда происходит должник или вор. Если должник из одного общества не выплачивал долг должнику из другого общества, то истец мог воспользоваться куначескими связями в обществе ответчика. Кунак истца в пятничный день общеджамаатской молитвы в мечети забирал обувь всех находившихся членов джамаата из прихожей. Обувь получали только после того, когда молившиеся в мечети принуждали должника или ответчика выплатить долг или выполнить другие требования, считавшиеся законными.

Ишкиль был признан общиной и дозволен адатом, т. е. органически вошел в юридическую систему кавказского адата, как и кровомщение, в форме, регулируемой общиной. Это компенсировало отсутствие в горском обществе долговых тюрем или других насильственных средств принуждения, кроме экономического (пеня) и морального (общественное осуждение). Правда, община до того, как позволяла ишкиль, привлекала должника к суду по заявлению истца. Если должник покинул аул после того, как его предупредил исполнитель о необходимости явки на суд для разбирательства, то

исполнитель вправе взыскать с него долг в пользу истца. Это важное свидетельство в пользу того, что долговые отношения на первом этапе регулировались судом и властью, а ишкиль вступал в силу на втором этапе, когда первое средство не достигало цели. Ишкиль в общине перерос собственные функции «долгового насилия», сфера его применения расширилась, он стал средством экономической, а иногда и политической борьбы между общинами, а также между общинами и местными государственными объединениями.

Военно-народное управление (1860–1917 гг.)

Завершив завоевание горцев, российские власти приступили к реорганизации системы управления на Северном Кавказе. Предполагалось раздельно управлять русскими переселенцами и горцами. Для последних создавалось особое военно-народное управление. Решено было временно не вводить для горцев российских законов и администрации и позволить им жить по местным обычаям и подчиняться прежним начальникам под контролем российских военных властей. Центр военно-народного управления был создан в Тифлисе. Ему подчинялись почти весь Дагестан, большая часть Терской области (8 из 12 округов), 5 горных округов Кубанской области, а также Закатальский округ Азербайджана и Сухумский отдел Грузии (современная Абхазия).

Российские власти пришли к идее военно-народного управления не сразу. Она появилась в ходе экспериментов по управлению на Кавказе. Первоначально для покоренных народов вводились общероссийские порядки. Подобным образом было устроено управление Кабардой. Однако из-за волнений горцев, протестовавших против введения у них российских законов, уже в 1807 г. родовые суды и расправы здесь были упразднены. В 1840 г. гражданское и уголовное российское законода-

тельство было введено для мусульман Кайтага и Табасарана. Однако, за исключением Дербента, где с 1806 г. существовало комендантское управление, местные жители игнорировали эти суды. Согласно донесениям начальников участков, в начале 40-х гг. в горах Кайтага и Табасарана скопилось несколько сотен бежавших от российского правосудия кровников. Они образовывали разбойничьи шайки, грабившие местное население и тревожившие российские власти. После общедагестанского восстания 1843 г., зачинщиками которого в Южном Дагестане оказались эти шайки, российские суды для дагестанских мусульман в 1848 г. были распущены.

С учетом предыдущих проб и ошибок в 1860-е гг. наместник Кавказский князь А. И. Барятинский попытался распространить дагестанский эксперимент на весь Северный Кавказ. Однако насильственное вытеснение подавляющего большинства горцев Западного Кавказа с их земель и быстрое заселение их русскоязычным населением из Центральной России помешали осуществить его повсеместно. Уже в 1872 г. горское население Кубанской и Терской областей было подчинено общероссийской гражданской администрации, а в 80-е гг. переведено в ведение Военного министерства. Здесь удалось провести в жизнь только ряд элементов военно-народного управления, такие, как *адатные* и *третейские суды*. Наиболее полно идеи военно-народного управления были осуществлены в Дагестане (за исключением Дербента и прилегающих территорий, где действовали общероссийские законы) и в Закатальском округе Северного Азербайджана.

Основные принципы судебно-административной перестройки горского общества были определены в «Положении об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». Оно было утверждено в 1860 г. Кавказским наместником князем Барятинским. Согласно Положению 1860 г., у местных мусульман по всей области «судопроизвод-

ство отправляется по адату и шариату и по особым правилам постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности» (подразумевается тот же адат, но изменяемый сообразно нуждам правительства).

Создание институтов военно-народного управления было завершено после принятия в 1868 г. «Положения о сельском управлении в Дагестане». С небольшими изменениями, внесенными в него после подавления восстания 1877 г., военно-народное управление просуществовало до весны 1917 г., когда было уничтожено, согласно решениям Временного правительства, пришедшего к власти в России в ходе Февральской революции 1917 г. В то же время были упразднены отдельные институты военно-народного управления, действовавшие в Терской и Кубанской областях, а также Сухумском, Батумском и Артвинском округах Кутаисской губернии.

По замыслу российской администрации, реформа обычного права в Дагестане преследовала следующие цели. Во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края. В ходе реформы к 1867 г. были упразднены последние мусульманские ханства, обладавшие собственной юрисдикцией, — Казикумухское, Аварское, Кюринское, владения Кайтага и Табасарана, шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство. Вместо них было создано 9 округов. Засулакская Кумыкия вошла в состав Хасавюртовского округа Терской области, Кубинское ханство — в Закатальский округ Бакинской губернии. Округа делились на *наибства* и участки. Гарантом соблюдения постановлений адатных судов вместо сельских обществ горцев, местных беков или ханов стало Российское государство.

Низовыми органами судебной и законодательной власти для горцев-мусульман стали *сельские словесные суды*, заменившие собой три разных вида дореформенных судов. Они могли разбирать по адату мелкие уголовные преступления

против личности (семейные ссоры, сельские драки, публичные оскорбления женщин) и уголовные преступления против собственности (обман, утайку денег, воровство), если сумма иска не превышала 50 рублей. Им были подсудны также уголовно-хозяйственные преступления, совершенные на землях общины (потравы, нарушения единого сельскохозяйственного оборота). Кроме того, они могли разбирать по шариату гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей.

В отличие от прежних адатных судов решения словесных сельских судов не были окончательными. Они могли обжаловаться в месячный срок в окружных народных судах, созданных при начальниках округов. В ведение окружных судов были переданы адатные иски, изъятые из ведения сельских словесных судов, включая тяжелые уголовные преступления против личности (ранения, убийства, изнасилования, кражи, похищения женщин) и крупные уголовные преступления против собственности (обман, утайку денег, воровство на сумму более 50 рублей, случаи разбоя и грабежа). В юрисдикцию окружных судов вошли поземельные тяжбы за владение и пользование по адату пастбищами, лесами, дологами и водными ресурсами. По шариату они разбирали гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей.

Апелляционной инстанцией для окружных судов стал *Дагестанский народный суд*. Он был сформирован при генерал-губернаторе Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шуре. В месячный срок он разбирал жалобы на решения окружных народных судов. Ему же были подсудны все случаи измены, бунтов, нападений на сельское и окружное начальство, скрытого или явного неповиновения властям, приравненные в пореформенном Дагестане к тяжелым уголовным преступлениям. Уголовные и поземельные тяжбы между дагестанскими мусульманами и русскими переселенцами решались в

Дагестанском областном суде, а с 1875 г., в заменивших его двух мировых отделах в городах Дербенте и Темир-Хан-Шуре.

Другой целью реформы было ослабление исполнительной, судебной и законодательной власти мусульманских руководителей сельских общин (кадиев, суфийских шейхов) и создание светской общедагестанской администрации, которая пользовалась бы доверием и авторитетом у местных жителей и была бы исполнителем решений центральных российских властей области. Активные участники движения Шамиля и восстания 1877 г. были лишены всех прав, казнены или высланы из Дагестана. В то же время члены сельских и окружных судов были поставлены под надзор российских военных властей области. Словесные суды содержались сельскими общинами. Члены Дагестанского народного суда, окружных народных судов и председательствующие в словесных судах сельские старосты стали получать жалованье от правительства (320–240 рублей в год).

По своему составу словесный суд мало отличался от до-реформенных адатных судов. В него входили имам пятничной мечети (кадий или дибир), муэдзин (будун), секретарь и несколько членов совета старейшин. Численность старейшин в сельских судах колебалась от одного до 12 человек. После реформы в состав сельского суда был введен сельский староста (бегаул, юзбаши). До 1866 г. эта должность встречалась только в селениях Северо-Западного и Центрального Дагестана. В окружные суды и Дагестанский народный суд входили начальник округа/области, кадий, секретарь и по одному знатоку адата от каждого наибства/округа.

Третьим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса с целью подготовить постепенный переход дагестанцев к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству. На первом этапе такого перехода, рассчитанного на

несколько десятилетий, были сохранены основные нормы адатного процесса и права, общие для всех горцев. По форме суд остался простым. Процесс по-прежнему носил обвинительный характер, одинаковый при разборе уголовных и поземельных дел. Прокуроров и адвокатов не было. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. Кроме изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно. Официальным языком адата в Дагестане оставался арабский. В Кубанской и Терской областях сельские горские суды также пользовались арабским, но для переписки с окружными горскими судами использовался русский язык. Попытка перейти в апреле 1913 г. к русскому делопроизводству в Дагестане вызвала волнения горцев, и от этого проекта пришлось отказаться.

Из принятых в адате наказаний в несколько измененном виде юридическую силу сохранили изгнание кровника из сельского общества (канлы), штраф за пролитие крови (дият, алым), платежи (композиции) за любое уголовное преступление, взимавшиеся как в пользу пострадавшего, так и в пользу общества. Запрещены были некоторые архаичные адаты: трехдневный грабеж имущества убийцы и ишкиль (барамта) — самовольный захват имущества должника, отказывающегося уплатить долг.

Адатный уголовный процесс и право, в деталях которых до реформы царил полный разнобой, был несколько унифицирован. Во всех округах Дагестанской области по делам о воровстве, поджогах и потравах назначалось от 1 до 12 человек соприсяжателей, по делам о прелюбодеянии — 15, по делам, влекущим кровотошщение, — 12—60, по делам об убийстве и поранениях — 6—30. Были установлены единые сроки изгнания из селения от 3 месяцев за оскорбление женщины до 3—10 лет за убийство. Больше единообразия стало в размерах штрафов, в большинстве мест из натураль-

ных переведенные в денежные. Дият также чаще стал определяться в российских деньгах — от 30 рублей в Казикумухском округе до 300 рублей в Самурском и Андийском округах. Новыми мерами наказания в пореформенном адате стали арест и принудительные общественные работы.

В целом реформа обычного права оказалась плодотворной. В Дагестане удалось создать гибкую судебно-административную машину, которая более полувека после завершения реформ справлялась с решением большинства конфликтов в уголовной и земельной сферах. Благодаря ее деятельности мусульманские народы Дагестана впервые после почти столетней Кавказской войны обрели внутреннюю безопасность и стабильность. В то же время, несмотря на усилия правительства, так и не была искоренена кровная месть и частые поземельные столкновения. Довольно высоким оставался уровень преступности в высокогорных южных и северных округах области. Пореформенный адатный суд оказался жизнеспособнее российской судебно-правовой системы 2-й половины XIX — начала XX в. Если дореволюционные мировые суды перестали существовать уже в первые годы Гражданской войны, то процессуальные формы и правовые нормы адатного суда сохраняли юридическую силу до начала советских административно-судебных реформ конца 20 — начала 30-х гг. XX века.

Военно-народное управление, созданное на Северном Кавказе, имело много общего с судебно-административными институтами французской и английской колониальных империй XIX века. Российская империя, как Англия и Франция, пыталась использовать общину и адат для «умиротворения» и более эффективного управления своими мусульманскими подданными. Община стала основной административной и фискальной единицей в горских округах с военно-народным управлением.

Глава четвертая

Кавказская традиция и советская власть

Адат и шариат

Отношение Советской власти к обычному праву было прямо противоположно политике российской дореволюционной администрации. Последняя поддерживала адат. Большевики в начале 1920-х гг., наоборот, искали союза с так называемым мусульманским освободительным движением. Адат они называли «антинародным колониальным» правом, а его сущностью — «эксплуатацию трудящихся мусульман» ханами и беками при поддержке царизма. «Подлинным народным обычным правом» северокавказских горцев Советское государство признало шариат! Пока Советская власть была еще слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону местные мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Поэтому они объявили о замене на Северном Кавказе адатных судов *шариатскими*.

Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, тогдашний нарком по делам национальностей И. В. Сталин заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям. Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский

народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены». Ему вторил С. М. Киров. На Учредительном съезде Горской АССР 17 ноября 1920 г. он обещал горским депутатам: «Если вы желаете судиться по шариату — судитесь по шариату, это дело ваше в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу».

Введение шариата было одним из важнейших требований революции 1917 г. в регионе. Первая резолюция о создании шариатских судов была принята на проходившем в мае 1917 г. во Владикавказе I Съезде горских народов Кавказа, решившем ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата. Вскоре это постановление было подтверждено I Съездом народов Терека, состоявшемся в январе 1918 г. в Моздоке. В 1918 г. городские шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением — Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре.

После установления Советской власти на Северном Кавказе шариатские суды были узаконены повсюду, где они существовали, — в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарде, Карачае. В каждой автономии Северного Кавказа была создана своя иерархия шариатских судов или *шарсудов*, как их стали называть в это время.

Наиболее сложная трехступенчатая организация шариатского правосудия сложилась в 1920–1922 гг. в Дагестане. В самом низу ее стояли «шариатские тройки» из двух членов и председателя (дибир, мулла) в отдельных селениях и городах. Они разбирали мелкие гражданские, наследные, уголовные и поземельные иски. Апелляции на их решения подавались в окружные шарсуды. Последние также рассматривали гражданские и наследные споры, дела о разделе имущества на сумму до одной тысячи рублей, поземельные тяжбы между селениями, убийства и другие тяжкие преступления. Кассацион-

ной инстанцией для шарсудов всех уровней служил Шариатский отдел Дагестанского Ревкома, а с 1922 г. — Шариатский подотдел при Наркомюсте ДАССР. Контроль за работой сельских и окружных шарсудов был поручен окружным следственным комиссиям.

В других советских автономиях Северного Кавказа структура шариатского правосудия была проще. Согласно постановлению «О введении шариатского судопроизводства» от апреля 1921 г. в Горской АССР его основным звеном были окружные «шариатские тройки» под председательством шариатского судьи (эфенди). Они разбирали гражданские и наследственные споры на сумму до 200 рублей, кражи и другие мелкие уголовные правонарушения, а также составляли «списки порочных лиц», т. е. преступников-рецидивистов, подлежавших высылке с Кавказа или заключению в лагерь. С распадом в 1921–1924 гг. Горской АССР в разных выделенных из нее областях и республиках была создана своя организация шариатских судов. Наиболее широкими полномочиями окружные шарсуды были наделены в Чечне и Ингушетии. Здесь их решения мог обжаловать только Верховный суд РСФСР. В Кабарде и Адыгее жалобы на решения окружных шарсудов подавались в республиканский НКЮ. В Кубано-Черноморской республике вместо шариатских судов была учреждена должность *кади* в составе народных судов.

Несмотря на свое название, шарсуды продолжали руководствоваться в своей работе не только мусульманским правом, но и нормами адата. Состав сельского шарсуда почти не отличался от словесного. По форме судопроизводство шарсудов всех уровней осталось простым. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Сельский суд собирался в здании сельсовета или на центральной площади селения у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. Как и до революции, кроме изнасилований, похищения и оскорбления женщин, дела в судах всех уров-

ней всегда рассматривались гласно. В уголовных делах шарсуды руководствовались принятыми в адате наказаниями: изгнанием кровника из общины, штрафами за пролитие крови и за ущерб, нанесенный собственности, взимавшимися как в пользу пострадавшего, так и в пользу государства. Шире, чем до революции стали применяться денежные штрафы и тюремное наказание. Вместе с тем был запрещен ряд норм адата, прямо противоречащих советскому законодательству: кровоотмщение, ишкиль/барамта и некоторые др. Под запретом оказались и уголовные нормы шариата (такие, как смертная казнь убийцы, отрубание руки вору, побивание камнями прелюбодеев).

Кроме шарсудов на советском Кавказе существовали и другие судебные институты. Во всех автономиях были созданы *народные* и *сельские словесные суды*, а также *земельные комиссии*. Первые народные суды возникли в июле 1920 г. Они могли рассматривать гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения немусульманами мусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались и тяжбы между мусульманами в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, а с 1923 г. и дела по убийствам и кровной мести. Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству.

Малочисленность народных судов, а также сложности по их финансированию и переводу решений на языки народов Северного Кавказа заставили власти дополнить эти учреждения сельскими словесными судами. Тут разбирались те же иски, что и в народных судах, а с 1922 г. и изъятые из ведения шарсудов дела по установлению опеки над вдовами и сиротами. Как и дореволюционные словесные суды, советские сельские суды обходились без письменного делопроизводства. В этой особенности можно видеть влияние обычно-правового процесса.

Поземельные споры, до революции разбиравшиеся в окружных и народных судах, перешли в ведение созданных в 1921–1922 гг. окружных и областных земельных (или судебно-земельных) комиссий. На основании Земельного кодекса РСФСР они должны были урегулировать спорные дела по землеустройству и тяжбы между сельскими общинами и частными лицами о правах на владение и пользование земельными угодьями на территории республики. Земкомиссия состояла из председателя, представителя окружного совета и землемера. В Дагестане в 1923 г. для контроля и координации деятельности земкомиссий была создана Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР. Подобные органы были созданы в других советских автономиях на Северном Кавказе. Как шариатские и сельские словесные суды, земкомиссии обеих уровней использовали в своей работе нормы обычного права. Они нередко устраивали примирение тяжущихся сторон (маслихат) при посредничестве окружных властей, знатоков адата и авторитетных стариков из нейтральных селений.

Согласно официальной советской статистике, на Северо-Западном Кавказе шарсуды ежегодно разбирали до 30–50% всех судебных дел; в Дагестане и Чечне — до 70–80%. Местные мусульмане предпочитали обращаться не в советский народный, а в шариатский суд по ряду причин. Дело в том, что судоговорение тут проходило на понятном им родном языке. Немалую роль при этом играл авторитет местных имамов, участвовавших в работе шарсудов. Кроме того, шарсуды меньше страдали от бумажной волокиты, характерной для всех советских учреждений.

Наступление окрепшей Советской власти на шариатские суды началось накануне осуществления на Кавказе общесоюзных программ по индустриализации и коллективизации. Задумав насильственно изменить структуру местного общества, советские руководители в первую очередь решили

обезглавить его, поставив вне закона мусульманских лидеров города и деревни. Уже в первой половине 20-х гг. шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по шариату. Тяжкие уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды.

Наиболее активные противники Советской власти лишались избирательных прав и исключались из состава шарсудов. В Северной Осетии, Адыгее и Кабарде большинство знатоков шариата было отстранено от судебной практики. Должность председателей шарсудов нередко занимали лояльные к власти выходцы из беднейших слоев, абсолютно невежественные в вопросах права. Все это значительно затрудняло работу шариатских судов.

Первые попытки отменить действие шариатского правосудия на Северном Кавказе относятся к 1922 г. На территории Горской АССР шарсуды несколько раз то закрывали, то в ответ на жалобы и волнения мусульман вновь восстанавливали. Окончательно их запретили сначала в Северной Осетии, где мусульмане составляли меньшинство населения, в 1924 г. в Горской республике, в 1925 г. — в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в 1926 г. — в Ингушетии и Чечне, а в 1927 г. — в Дагестане.

В 1928 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ее действие распространялось не на всю территорию Федерации, а в основном на районы Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год. Среди квалифици-

рованных таким образом досоветских правовых норм и институтов, кроме шариатских, встречалось немало и чисто адатных: взимание «цены крови» (дията) с убийцы (ст. 194 главы X УК РСФСР), отказ от примирения-маслихата и продолжение кровоотмщения (ст. 195), умыкание девушек с целью брака с ними (ст. 197), захват скота несостоятельного или отказывающегося от уплаты долга должника (ст. 200–202), осуществление суда согласно адату (ст. 203). Подобные наказания были сохранены в новых редакциях Уголовного кодекса РСФСР, принятых в 1935 и 1960 гг.

В это время начинается борьба с «вредными феодально-патриархальными пережитками прошлого», под которыми идеологи советских реформ стали объединять адат и шариат. Главный упор в этой борьбе в 30–50-е гг. был перенесен на шариат. Был взят курс на уничтожение адата и шариата и создание единой советской судебной-правовой системы.

Несмотря на упорную борьбу Советской власти с адатом и шариатом, полностью искоренить их на Северном Кавказе не удалось. Свидетельство тому — постоянная обеспокоенность советских и партийных руководителей республик «вредными пережитками прошлого». Республиканские обкомы КПСС не раз принимали решения, направленные на искоренения пережитков адата и шариата в колхозной деревне. Однако они так и не были ликвидированы.

Наиболее остро эта проблема стояла в Дагестане, ей были посвящены республиканские совещания в 1951 г. и в 1955 г., а также пленум Дагестанского обкома КПСС, состоявшийся в октябре 1956 г. В своем решении пленум наметил конкретные мероприятия по усилению борьбы «с пережитками патриархально-феодальных отношений и религиозными суевериями» (подразумеваемая под ними обычное право и шариат). В критике этих «пережитков» приняли участие известные народные поэты Северного Кавказа, в частности аварец Гамзат Цадаса, посвятивший этой теме свою книгу «Метла

адатов», переиздававшуюся большими тиражами на аварском и русском языках.

В 60–70-е гг. отношение к адату и шариату на Северном Кавказе опять изменилось. К этому времени необратимость советских преобразований на Северном Кавказе стала очевидной. Теперь можно было не бояться возрождения дореволюционного режима. Советская власть уже не видела в адате опасной силы, которую могли использовать ее политические противники. В 60-е гг. советская пресса заговорила о необходимости отличать «полезные адаты» от «вредных». Продолжая громить такие «пережитки адата», как неравноправие женщин, кровную месть и, как это ни парадоксально, шариат и народные исламские культы святых шейхов, газеты и журналы все более сочувственно отзывались о горских обычаях почитания старших, мирного урегулирования конфликтов между односельчанами, бережливого отношения к общественной собственности. По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить «полезные адаты» на службу Советской власти. Переход к политике опоры на «полезные адаты» подготовил почву для движения за возрождение адата и шариата, охватившего регион в 90-е гг.

После распада СССР в 1991 г. на волне движения за мусульманское возрождение на Северном Кавказе началось стихийное восстановление шариатского правосудия. К настоящему времени несколько десятков шариатских судов было создано в мусульманских общинах Северного Дагестана, Чечни, и Ингушетии; единичные шариатские суды появились в Адыгее, Карачае, Кабарде и Северной Осетии. Как правило, они состоят из имама соборной мечети, который по пятницам председательствует на заседаниях совета старейшин общины. Он разбирает мелкие уголовные и брачно-семейные дела, оформляет завещания. Наряду с шариатскими судами у мусульман Северного Кавказа работают российские народные и общественные третейские суды.

В 90-е гг. шариат все больше становится козырем в политических интригах. Он стал рассматриваться как средство узаконить создающиеся ныне и далекие от идеалов ислама политические режимы и движения. Так, первый президент Чеченской Республики Ичкерия, совершенно светский и советский человек, генерал Дж. Дудаев провозгласил шариат источником права в Чечне. Но реально он ничего не сделал для введения в жизнь норм мусульманского правопорядка и предотвращения разгула преступности в республике. О необходимости учреждения шариатских судов не раз говорили дагестанские, чеченские и другие политики, замешанные в терактах и массовых убийствах мирных жителей на Северном Кавказе.

В сентябре 1999 г. знаменитый террорист Шамиль Басаев объявил о создании его дагестанскими единомышленниками на территориях в Ботлихском и Цумадинском районах Дагестана, захваченных отрядами Конгресса народов Чечни и Дагестана (куда также входил известный террорист илевой командир Хаттаб), исламского суда, чтобы судить предателей и трусов. Необходимо различать эти псевдошариатские учреждения от настоящих адатно-шариатских судов, которым удастся несколько ослабить разгул преступности в ряде северокавказских городов и селений.

Колхозная метаморфоза сельской общины

Необычно сложилась судьба сельской общины при Советской власти. Дореволюционная организация горской деревни без особых изменений просуществовала до начала коллективизации. Общинные институты, основанные на принципах адата, послужили основой для органов Советской власти и новой сельской администрации. Вместо упраздненных после революции сельских старост в 1920–1922 гг. была

учреждена должность *председателя сельсовета*. Но его обязанности и даже имя (в Дагестане и Чечне — бегаул) остались прежними. Председателя и депутатов сельсовета выбирали на сельских сходах. Здесь по-прежнему обсуждали вопросы, касавшиеся благоустройства общины, восстановления дорог, мостов, родников и т. д. Суд и управление селом остались в руках совета старейшин (карты, чухби, кевхи). Весь немногочисленный исполнительный аппарат общины, включая глашатая и сельских исполнителей, не менялся с дореволюционных времен. В 1925 г. на основе сельских исполнителей была организована милиция при сельсоветах.

Приступив к коллективизации деревни, Советское государство создавало для горцев новые советские институты. Уже в 1920–1921 гг. в Ставрополье, на Кубани и в Кабарде появились первые ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. Первым ТОЗом в горах была «Чохская коммуна», созданная в аварском с. Чох в Дагестане в 1921 году. В помощь ТОЗам с 1924 г. начали создаваться кресткомы или Аульские общества взаимопомощи (АОВ). Они объединяли горцев в постоянные и временные кооперативы, кредитовали их, перераспределяли среди членов кооперативов государственную финансовую помощь. К 1929 г. кресткомы были созданы по всей территории края, включая самые «медвежьи углы» Нагорного Дагестана и Чечни. Вместе с ними создавались «Комитеты бедноты» (комбеды) и кассы взаимопомощи для бедноты. Появилось несколько форм кооперативов от ТОЗов, обобщавших только часть инвентаря, до колхозов и совхозов, предполагавших полное обобществление имущества горского крестьянства. Наиболее популярными у горцев формами кооперации стали «универсальные сельхозкредитные товарищества».

Первые кооперативы нередко основывались на базе дореволюционных сельских институтов. Например, ЦИК Кабардино-Балкарской АО обратил в кресткомы примечательные

фонды, состоявшие из ежегодных отчислений общинников на религиозные и общественные нужды (закята). Он поставил во главе кресткомов мулл, сделав АОВ чем-то вроде управлений вакфами (примечетными землями), а затем, когда кабардинцы привыкли вносить отчисления в АОВы, преобразовал их в советское учреждение. В Дагестане, Чечне и Ингушетии многие секретари кресткомов были муллами (дибирами). Комбеды часто организовывались по тухумному или квартальному принципу. Знаменитая «Чохская коммуна» первоначально представляла тухумный отселок, выделенный из общины в хутор у Гунибского моста. На сельском сходе жители хутора решили распахать участок общинных пастбищ. Такой способ образования самостоятельной общины был хорошо известен горцам по адату. Первые колхозы в Нагорном Дагестане и Чечне возникли на общинных и вакуфных землях. Подобные «факты искривления колхозного движения» сотнями вскрывались советскими контрольными органами, пресекались, но возникали вновь и вновь.

Более решительная ломка адатных институтов доколхозной общины была начата в годы сплошной коллективизации. На равнине и в предгорьях она была осуществлена с 1929 по 1935 г. В горных районах объединение крестьян в колхозы затянулось до 1939–1940 гг. Последними вступили в колхозы горцы высокогорных районов Северного Дагестана и Чечено-Ингушетии. В ходе «колхозного строительства» были окончательно распущены советы старейшин. Были национализированы вакуфные земли и закятное имущество мечетей. Большая часть мечетей была при этом закрыта, некоторые разрушены. Насильственно обобществлялись частносемейные участки и скот горских кланов. На равнине и в предгорьях колхозы и совхозы, как правило, объединяли земли нескольких общин каждый. Этот принцип особенно строго соблюдался в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Горные коллективные хозяйства часто возникали в границах прежних сельских общин. Но и они

в 1940–1955 гг. были укрупнены. В послевоенные десятилетия укрупненные колхозы преобразовывались в совхозы.

В годы коллективизации перестали соблюдаться многие общинные и родовые обычаи и обряды. Но уже через несколько лет колхозное и советское начальство решило восстановить «полезные традиции» горцев. Было разрешено праздновать некоторые полурелигиозные полужемледельческие празднества, такие, как праздник первой борозды (запряжки быков — аварск. оц бай) — начала весенних сельскохозяйственных работ, традиционно собиравший всех членов общины. В с. Убра его восстановили уже в 1939 г., в с. Кумух — только в 1951 г. Повсюду стали отмечать праздник цветов, навруз байрам.

Возрожденные к 50-м гг. общинные обряды приобрели чисто советскую окраску. На сельские праздники приглашалось местное советское и партийное начальство. Каждый праздник начинался митингом. Были запрещены совместные моления об урожае. Древняя земледельческая обрядность отмирала и заменялась бутафорской советской. Происходит музеефикация общинной культуры.

В послевоенные десятилетия была сделана попытка возродить и некоторые общинные институты самоуправления. В ряде кавказских республик — в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Абхазии при сельсоветах стали создавать советы старейшин. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста. По замыслу местных властей, они «возрождали полезные горские традиции». Однако, копируя одноименные дореволюционные институты, на деле они создавали совершенно новые традиции. Это были чисто вещательные органы без реальной власти. Их члены помогали народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе или совхозе, участвовали в регулировании столкновений на почве кровной мести, следили за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов,

сельских клубов и не допускали расхищения колхозной собственности. В 60–80-е гг. такие советы действовали в нескольких десятках горных и равнинных селений. В Ахтынском районе Южного Дагестана к концу 70-х гг. они были организованы при всех сельсоветах. Больше всего советов старейшин насчитывалось в колхозах и совхозах на равнине, а у горцев-переселенцев Новолакского района для координации действий сельских советов старейшин был сформирован районный совет старейшин.

Для пропаганды «полезных адатов» и искоренения «вредных традиций, несовместимых с социалистическим образом жизни» были созданы Комиссии по борьбе с пережитками прошлого в быту и внедрением новых обрядов и обычаев в семейном и общественном быту горцев. Впервые на Северном Кавказе они были созданы в середине 60-х гг. в Карачаево-Черкесии. В 70-е гг. подобные комиссии появились в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и других республиках. В них вошли пожилые мужчины 60–70 лет. Среди них было немало первых комсомольцев и коммунистов 20–30-х гг., участников установления Советской власти в горах и партизанского движения. Прежние борцы с адатами под старость лет начинали создавать новые советские обычаи. Однако им не всегда удавалось контролировать ситуацию.

Полулегально горцы-мусульмане продолжали праздновать курбан-байрам, мавлид и прочие крупнейшие религиозные праздники. В 1977–1981 гг. в переселенческих селениях на равнине Северного Дагестана вспыхнуло стихийное исламское движение, предвестник исламского подъема 90-х гг. Создавались нелегальные группы молодежи по изучению арабского языка. Последователи мусульманских шейхов суфийских братств накшбандия, кадирия и ясавия устраивали коллективные молитвы (*зикр*). Движение было подавлено органами МВД и КГБ. Сходы, проведенные под руко-

водством комиссии, выразили самые верноподданнические чувства по отношению к Советской власти. Они просили «предать уголовной ответственности руководителей исламских групп, призывавших сельскую молодежь следовать законам шариата».

В 60–80-е гг. отношение горцев к колхозам меняется. К этому времени происходит постепенное слияние общинных и советских институтов в повседневной жизни и сознании горцев. Для поколений, родившихся и выросших при Советской власти, колхозы казались прямым продолжением традиций дореволюционной общины. Действительно, колхоз постепенно вобрал в себя основные институты общины-джамаата. Функции сельского схода перешли к общему собранию колхозников. Оно руководит всей общественной жизнью села, следит за соблюдением правил землепользования, регулирует имущественные и семейные споры между жителями села. При колхозах сельский сход стал собирать не только глав семей, но все взрослое мужское население селения, как это было до российского завоевания. Местом сходов по-прежнему служили центральные площади аулов (годекан, гим). В послевоенные десятилетия в большинстве селений Северного Кавказа они переместились в новые кварталы села, к сельсовету и сельмагу.

Хозяйственные обязанности сельского старосты (бегавула, юзбаши) разделили между собой председатели колхоза и сельсовета. Колхозные исполнители под именем ахранов (от искаж. русск. «охранять») объявляли через громкоговоритель о решениях сельского начальства и схода, штрафовали колхозников за их невыполнение, охраняли границы колхозных угодий от потрав скотом. В Аварии за эту работу им начислялось по 10 трудодней в месяц. При этом во многих колхозных общинах возникло до поры до времени скрытое двоевластие. Непопулярному колхозно-советскому начальству здесь противостояла хотя и объяв-

ленная вне закона, но пользующаяся авторитетом у горцев власть сельских мулл (дибиров, эфенди).

Функции судебной и отчасти исполнительной власти бегавула сосредоточил в своих руках дибир. Этот выборный глава мусульманской общины села, в советское время объединивший в своем лице кади и имама джамаата, в обход советских законов по-прежнему судил и консультировал своих односельчан по обычному праву и шариату. Последний занял место старой светской элиты джамаата, погибшей в ходе коллективизации. При этом право на власть им давала уже не знатность, а поддержка джамаата.

Такое слияние колхоза и общины объясняет, почему после падения в 90-е гг. Советской власти горцы не хотели отказаться от советских коллективных хозяйств. По данным официальной статистики, большая часть колхозов и совхозов на Северном Кавказе продолжала существовать и после 1991 года. Например, в Северной Осетии — Алании к 1994 г. сохранилось 43 из 46 колхозов и 36 из 48 совхозов. В Дагестане на общереспубликанском референдуме в июне 1992 г. более 2/3 дагестанцев проголосовали за сохранение советских коллективных хозяйств и против введения частной собственности на землю. Из 634 дагестанских колхозов и совхозов, прошедших перерегистрацию в 1992–1993 гг., 580 решили сохранить свой прежний статус. Большинство других не распались на отдельные фермерские хозяйства, а преобразовались в товарищества, акционерные общества, кооперативы и прочие, в сущности, коллективные хозяйства в границах бывших колхозов и совхозов.

В последние годы к идее укрепления горской общины опять возвращаются как республики Северного Кавказа, так и федеральные власти. Они пытаются опереться на выжившие в период советских репрессий традиционные сельские институты, возродить общину для укрепления рушащейся пирамиды власти на местах. Недаром в новой Конституции

Северной Осетии—Алании, принятой 12 ноября 1994 г., сказано: «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 109). В 1995–1997 гг. в Дагестане были приняты законы «О сельской общине», «О местном самоуправлении» и «О третейских судах». Подобные законы о сельской общине и местном самоуправлении приняты и в других республиках Северного Кавказа.

Таким образом, судебно-правовая политика Советской власти на Северном Кавказе не раз менялась, но лейтмотивом ее всегда оставалась борьба с ускользающим из-под государственного контроля обычным правом. Однако результаты социально-правовых реформ 1920–60-х гг. в горской деревне оказались совсем не такими, какие ожидали от них их организаторы. Прогнозы советских историков и юристов об «отмирании адата, шариата и других вредных пережитков старого режима» не оправдались. Ошибочным оказалось определение советскими этнографами обычного права как неизменного «традиционного института», свойственного догосударственным обществам и не способного к развитию в современном обществе.

Глава пятая

Традиция кровной мести

Обязательность кровомщения

Формы и социальное значение насилия в горском обществе были самыми разными. В ответ на оскорбление женщины, захват земли, ранение или убийства горцы отвечали убийством обидчика. Кровная месть могла продолжаться в течение поколений либо до полного физического истребления клана виновного. В то же время кровная месть могла служить действенным средством пресечения насилия и иных противоправных действий горцев. Причем, если особенности кровной мести порой значительно различались, то общие черты этого обычая всюду были одинаковыми. Рассмотрим наиболее характерные для региона Северного Кавказа примеры кровомщения.

Вражда между двумя кланами и взаимное кровомщение чаще всего возникали на почве отношений между мужской и женской молодежью. Причиной мести служило похищение девушки или женщины. Часто похищения устраивались с согласия самой похищаемой, что имело место обыкновенно в том случае, если родители девушки не соглашались выдать ее за избранного ею жениха. В таком случае она сговаривалась с женихом относительно ее увоза. Бывали иногда и такие случаи, что двое мужчин заявляют претензии на одну девушку, и один из претендентов, не желая, чтобы девушка стала женою другого, похищал ее. По адатам кавказских горцев насильственный увоз женщины рассматривался как уголовное преступление, почти равносильное убийству. При определении наказания за насильственный увоз женщины народные адаты делали различие между увозом девушки или вдовы и замужней женщины. Так, у аварцев похитивший замужнюю женщину вносил в пользу сельского общества штраф, вдвое превосходивший штраф за умыкание девушки

или вдовы. Кроме того, во многих обществах виновный высылался из общины в качестве кровника.

При похищении по взаимному уговору дело в большинстве случаев кончалось примирением с родными похищенной и свадьбой. Примирение с родными похищенной девушки устраивалось при содействии уважаемых стариков и друзей похитителя; достигалось оно сравнительно легко, если похититель принадлежал к клану, равному по своему общественному весу с кланом девушки. У аварцев похититель при примирении должен был подарить братьям или отцу девушки хорошее кремневое ружье и устроить угощение. По обычаю кабардинцев ни одно примирение, связанное с похищением, убийством, ссорой, не происходило без уплаты виновником вознаграждения потерпевшего за согласие на примирение. Согласно этому обычаю виновная сторона передавала потерпевшей стороне хорошую лошадь с седлом, кроме этого, в день примирения она организовывала угощение на 100 и более человек, для чего резали 3–5 голов крупного рогатого скота, 10–15 баранов, готовили большое количество бузы и т. д.

Обязанность кровомщения прежде всего лежала на родных братьях пострадавшего или убитого. Если нет брата, мстить были обязаны ближайшие родственники по отцовской линии. При отсутствии близких родственников должны были мстить вообще члены тухума, или рода, к которому принадлежал убитый. Если член рода убитого, встретив убийцу, не мстил ему, общественное мнение клана и общины осуждало его поведение. Бывали примеры, что после убитого отца оставался мальчик 3–4 лет. Мать внушала ему, как святую обязанность, отомстить за убитого отца. И спустя много лет, сделавшись взрослым, сын мстил за отца. Аварцы сложили целую балладу о героической сестре, поехавшей в далекую Хевсуретию, чтобы отомстить за убитого в набеге брата.

В отмщение за убитого в первую очередь старались убить его убийцу. Но если это не удавалось сделать, иногда, хотя и

в редких случаях, убивали кого-либо из его близких родственников. Это не поощрялось общественным мнением; говорили: почему не убили врага, а убили невинного человека. Убийца обыкновенно укрывался в доме какой-нибудь нейтральной фамилии, и члены этой фамилии охраняли его до прихода властей. В случае убийства гостя, кунака в доме, где он укрылся, хозяин дома отвечал за кровь. Мечети и другие священные места правом неприкосновенности не пользовались. «В мечеть убежишь, и там не оставлю», — гласит аварская поговорка. По обычаю, если кровники встречались, родственник потерпевшего должен был убить обидчика. В «Описании кабардинского народа», сделанном В. Бакуниным в 1748 г., описан ход кровной мести между двумя княжескими кланами. По его словам, все владельцы кабардинские всегда опасались убийства одним другого и, чтобы уберечься, по ночам спали в панцирях.

Кровная месть, согласно неписаному обычаю, считалась долгом, а по писаному адату заменялась выкупом (от арабск. дият). «Мы кровь своих убитых не продаем», — говорили чеченцы. Другие горские народы, например бежтины, в XVIII—XIX вв. предпочитали выкуп продолжению мести. В выплате дията, размеры которого были велики, участвовал весь тухум. В некоторых обществах существовали правила, по которым кровомщение не должно было перейти за восьмое колено прямого кровного (по отцовской линии) родства (с. Кубачи), в других не было таких правил. О роли тухумов в этой сфере красноречиво сказал М. А. Агларову один из стариков в с. Анди: «О тухумах вообще люди не вспоминали, и они никакой роли не играли, все делалось по соседству и авалам (подразумеваются кварталы), но как только случались распри и убийства, то сразу вспоминали, кто кому кем приходится, какого тот тухума, чтобы поддержать своих людей. О тухумах вспоминали также при заключении браков».

В случаях изнасилования девушки или женщины кровную месть было настолько сложно остановить, что вражда между

кланами-тухумами могла закончиться истреблением одного из них. Например, в даргинском с. Кадар Нагорного Дагестана два тухума враждовали около 200 лет, с XVII в. до 60-х гг. XIX в. Среди ингушей известен случай кровной мести, продолжавшейся почти 150 лет, в течение которых каждая сторона потеряла не менее 20 человек убитыми. Но в большинстве случаев развитие кровной мести сдерживалось т. н. системой композиций — натуральных или денежных платежей согласно нормам адата. По словам большого знатока адыгского быта Л. Я. Люлье, у горцев кровотошчение не было необузданным, неудержимым чувством, вроде вендетты корсиканцев; это была скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь. О существовании подобной нормы на Северо-Восточном Кавказе говорит дагестанская пословица «Кровь кровью не смывается».

Пролитая кровь разных сословий горского общества традиционно оценивалась по-разному. Отражая социальную градацию, система композиций была наиболее неравномерной на Северо-Западном Кавказе и в равнинном Дагестане. Из описаний 1-й половины XIX в. явствует, что у адыгов размер возмещений за убийство определялся условной платежной единицей под названием *сха* или *баш* (букв. «голова»). Эта же мера использовалась при уплате *калыма* и служила основой для определения стоимости компенсаций за различного рода уголовные преступления: ранение, увечье, оскорбление личности, воровство и т. д. Князья, дворяне, подвластные и крестьяне имели свою определенную «цену крови», утвержденную обществом с давнего времени, и по ней взыскивали с убийцы. За убийство князя брали 100 *баш*. За дворянина 1-го класса взыскивали 50 *баш*, за дворян прочих двух классов — по 30, а за подвластного — 25 *баш*.

Переведя эти условные единицы в головы скота, которым обычно исчислялись штрафы у адыгов до конца XVIII в., В. К. Гарданов пришел к выводу, что «цена крови» князя ко-

лебалась от 6 до 8 тыс. быков со всей общины, тогда как «цена крови» простого свободного адыга (тлхукотля) составляла в XVIII в. всего лишь 160 быков. За убийство раба платили его «рыночную стоимость». По замечанию кабардинского историка В. Х. Кажарова, высокая «цена крови» князя укрепляла и безопасность его подвластных. В данном случае адат ставил мощный заслон развитию неограниченного кровоотмщения.

Так как кровная месть вносила расстройство в хозяйственную и общественную жизнь, старики обыкновенно прилагали все усилия, чтобы примирить враждующих. В Гидатле для примирения враждующих фамилий собирались старики всех шести аулов и устраивали примирение. Церемония примирения состояла в следующем. Члены враждующих фамилий становились в два ряда, на некотором расстоянии друг против друга. Между ними стояли почетные старики нейтральных фамилий. Один из самых уважаемых стариков читал молитву, затем произносил речь, заклиная навсегда прекратить вражду. После этого мир объявлялся восстановленным, и устраивалось угощение. Расходы на угощение в некоторых обществах брали на себя нейтральные фамилии, организующие примирение. Примирение иногда сопровождалось уплатой виновной стороной пострадавшей семье некоторой компенсации; но это делалось негласно, чтобы не сказали, что пострадавшие помирились из корыстных побуждений, подкупленные деньгами или имуществом. После примирения кровники назывались «братья крови».

Чтобы предотвратить взаимное истребление целых тухумов, было принято высылать убийцу (а в некоторых районах и его ближайших родственников) далеко за пределы владений общины. Искавшие защиты присоединялись к укрывшей их общине, полностью принимая ее законы и обычаи. О распространенности этого наказания говорит тот факт, что в Дагестане несколько десятков селений основаны тухумами кровников, изгнанными или бежавшими от кровоотмщения.

Положение кровника и простого путешественника среди горцев регулировалось обычаями гостеприимства, распространенными практически у всех мусульманских и христианских народов региона. Отмечались три важнейших качества, которые более всего ценились, например, у черкесов в середине XIX века. Это храбрость, красноречие и гостеприимство. Гостеприимство как первейшую добродетель черкесов и почитание гостя неприкосновенной особой упоминается и в сборнике адатов А. А. Кучерова. О гостеприимстве горцев с теплотой отзывались дореволюционные авторы, очутившиеся в самых отдаленных районах Нагорного Дагестана, Чечни или Грузии. Традиционно отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух принципах: во-первых, оно распространялось на любого человека, в том числе преступника или кровника; во-вторых, ради безопасности гостя хозяин обязан был жертвовать всем, вплоть до своей жизни. Эти нормы не раз спасали жизнь горцев.

Кровная месть в период Российской империи

Кровная месть была больным местом в российской дореволюционной политике на Северном Кавказе. Сначала военные, а затем гражданские власти вели борьбу с этим явлением, но так и не смогли искоренить его. Сразу же после того, как горцы приняли российское подданство, им было строго запрещено совершать кровоотмщение по адату. В Кабарде еще в 1793 г. было запрещено разбирать дела о кровоотмщении согласно адату. Урегулирование кровной мести стало прерогативой Верхнего пограничного суда в Моздоке. Случаи кровоотмщения были приравнены к убийствам, вооруженным грабежам и разбирались на основании законов Российской империи.

С учреждением в 1807 г. в Кабарде трех духовных судов (мехкеме) кровная месть разбиралась по шариату вплоть до

их запрета в 1822 г. В этот период меры пресечения кровной мести между кланами становятся более суровыми. Они перестают учитывать сложную сословную иерархию горцев. Под влиянием норм шариата, более сурово наказывающих за кровную месть, в 1807 г. появился новый адат: «Если кто без причины кого-либо убьет, то по закону также лишается жизни». «Цена крови» была сохранена в случаях неумышленного убийства, причем без учета общественного положения убийцы. Все слои кабардинского общества должны были выполнять новую адатную норму: «Если кто нечаянно убил, то за кровь платит 1500 рублей серебром ближайшему наследнику».

Наряду с борьбой с кровной мстью российские власти хотели лишить князей и ханов их бывших правовых привилегий. В «немирных князьях» они видели опасного противника для российского господства в регионе. Поэтому они постарались уничтожить старый адатный принцип, запрещающий мщение вышестоящему в социальной иерархии лицу. В прокламации 1822 г. наместник Кавказа Ермолов предписывал кабардинцам: «Уздням и простому народу повелеваю, что при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют». Далее он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием». Таким образом, власти не просто допускали, но поощряли убийства князей, лишенных российским правительством «прежних достоинств». На деле это официальное поощрение убийства «князей-«изменников» оказалось палкой о двух концах. С одной стороны, было подорвано уважение к князьям, среди которых многие «бунтовали» против российской власти. Но с другой, — был уничтожен принцип, сдерживающий кровомщение в горском обществе. Из правоохранительного института кровная месть постепенно превращалась в противоправный. Она дестабилизировала гор-

ское общество. В кровоотмщении все чаще участвовали деклассированные элементы.

С введением на Северном Кавказе военно-народного управления борьба с кровной мезтью вступила в новую фазу. С этого времени власти усиленно пропагандировали отношение к кровоотмщению как к «несправедливому обычаю», «архаичному адату», который требуется запретить. Кровоотмщение было объявлено вне закона, разрешенное по дореформенному адату по отношению к кровникам и застигнутым на месте преступления ворам и развратникам. Теперь оно было приравнено к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах. Высылка кровника в канлы была заменена ссылкой на поселение в Сибирь и другие отдаленные районы России.

Если примирения достичь не удавалось, бегаул при посредничестве дибира и знатоков адата часто добивался согласия родственников потерпевшего принять «цену крови» (дият, алым). В разных округах Северного Кавказа покупательная способность российского рубля была различной, и местные композиции за убийство сильно отличались друг от друга. Так, за «простое убийство» в с. Бацада и Согратль взимался дият в 100 отрезов ткани (кирбас), в с. Гидатль — 30 коров, в обществах дидойцев — 60 коров, в с. Тамуда — 12 мер зерна и 25 рублей, у тиндинцев и чамалал — 180 рублей, у цезов — 300 рублей или овец, в селениях Кайтагского округа — 50–400 рублей, в селениях Казикумухского и Самурского округов — 150–300 рублей. Умышленное убийство (тюрк, каракан) оценивалось в 7–14 раз больше. Кровь мужчины считалась вдвое дороже крови женщины. В случае ранения кровник оплачивал работу врача, лекарства и пропитание больного до его полного выздоровления. Плата за увечья осталась прежней. Кроме этих композиций, кровник уплачивал штраф в пользу общины и изгонялся в канлы на срок от года до 10 лет или бессрочно.

Полностью искоренить кровотошщение вплоть до революции так и не удалось. Наибольшее развитие кровная месть получила в Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии. По официальной статистике, тут около 80% всех тяжких уголовных преступлений совершались на почве кровной мести. В начале XX в. ежегодно совершалось до 500–600 убийств и более 2000 ранений. 40% из них приходилось на долю Андийского, Кайтаго-Табасаранского и Даргинского округов.

В пореформенное время учащаются случаи кровотошщения, поводом к которым служили драки в нетрезвом виде. Под влиянием контактов с русскими переселенцами и сезонного отходничества в Центральную Россию резко выросло потребление горцами водки и бузы.

Российским властям не удалось существенно изменить дореформенную систему наказаний за уголовные преступления. В некоторых селениях, как, например, Акуша и Цудахар, за ранения и убийства продолжали судить не по адату, а по шариату. Тюремное заключение, введенное Шамилем за уголовные преступления, получило повсеместное распространение. Во всех окружных центрах, наибских ставках и в большинстве крупных селений у главной площади возле мечети были устроены тюрьмы. Чаше, как в селах Ботлих, Гатль, Гаквари,, Гигатли и др., ими служили ямы, перекрывавшиеся каменной глыбой. Реже встречались небольшие каменные камеры, как, например, в с. Цуйди. В с. Хуштада на стене сельской тюрьмы до сих пор сохранилась дата постройки — 1321 г. от хиджры (1903–1904).

Не удалось заменить переход в канлы ссылкой за пределы Северного Кавказа. Боясь оказаться в Сибири или Центральной России, кровники из Аварского и Андийского округов Дагестанской области помногу лет укрывались в Горной Чечне. В Южном Дагестане канлы бежали в горы Закатальского округа Бакинской губернии. Желая избежать недовольства мусульманского населения, начальство Даге-

станской области разрешило в 1911 г. заменить ссылку кровников в Сибирь высылкой их в отдаленнейшие округа Дагестанской области. Срок пребывания в канлы по новому закону был увеличен до 20 лет. В частности, по этому закону канлы из с. Гагатль (Андийский округ) высылались в с. Чиркей, Кумух в Центральном Дагестане и даже с. Ахты на юге Дагестана. Наоборот, в Андийский и Гунибский округа высылались канлы с юга и севера области.

В ряде сельских обществ вместе с кровником продолжали высылать и его ближайших родственников. Семьи убийц сами бежали из родных селений, боясь мести более сильных тухумов. Такие случаи в пореформенное время отмечены в с. Гимры, Игали, Кахаб-росо и Ашильта. В с. Гдым целый тухум был основан в конце XIX в. семьей, изгнанной из с. Зрых за убийство одним из ее членов односельчанина. Таким образом, ряд норм адата, касающихся кровной мести, в какой-то степени сохранил юридическую силу.

Перерождение кровной мести в XX веке.

При Советской власти традиции кровоотмщения претерпели значительные перемены. Революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1921 гг.) сопровождалась ростом преступности. Кровная месть распространилась по Северному Кавказу еще шире, чем это было до революции. Повсюду действовали банды. Они целыми кланами вырезали своих политических противников, будь то «белые» или «красные». УГРО Северокавказского края отмечал учащение случаев самосуда, начинавшихся простым избиением, а заканчивавшихся убийством заподозренного в конокрадстве, поджоге и проч. даже с применением истязаний.

Советская власть с самого начала активно боролась с кровной мездью, но не могла искоренить это «проклятое наследие царского режима». Только в Дагестане, по данным

прокуратуры на 1924 г., 80% всех тяжелых уголовных правонарушений происходило на почве кровной мести. В 1928 г. специальная комиссия Президиума Дагестанского ЦИК отметила, что участились убийства и, в частности, особенно на почве кровной мести. В связи с этим НКЮ ДАССР было поручено разработать программу мер по предупреждению этих преступлений. Под руководством народных судей в сельских районах создавались общества «Долой кровную месть». Однако избавиться от этого зла не удавалось.

В 20-е гг. мягкие меры наказания убийц, происходивших из социальных низов, приводили к тому, что, отсидев срок в советской тюрьме, или досрочно освобожденный по амнистии убийца возвращался в свое родное селение, где его вскоре убивали родственники погибшего. Сами горцы с презрением относились к подобным приговорам советских судов, которые за глаза называли «принимая во внимание». «Один убивает другого, — говорили крестьяне, — и попадает под суд, а суд со всей строгостью присуждает убийцу к 6–8 годам заключения и еще со строгой изоляцией, а потом, «принимая во внимание» его происхождение (бедняк, батрак, рабочий и т. д.), его темноту, то обстоятельство, что он судим впервые и т. д., сокращает срок наполовину, а там подспевают разные манифесты, годовщины и т. д. и не проходит двух лет, как убийца уже дома. Ясно, что кровники возвратившегося домой убийцы не могут мириться с этим, и вот происходит второе убийство, а там третье, четвертое...».

Шариатское правосудие также не смогло справиться с кровотошечением. Еще в 1921 г. это отметил проинспектировавший работу шарсудов народный комиссар юстиции ДАССР А. Далгат. По его наблюдениям, шариатские суды часто выносили приговоры о выдаче убийц родственникам убитого для убиения, однако на деле редко применяли смертную казнь за убийство по шариату. В одном случае смертный приговор шариатского суда должен был быть приведен в испол-

нение через три года, так как сын убитого оказался малолетним и не мог убить своего кровника. Таким образом, приговоренный к смерти должен был ждать 3 года своей казни.

В 30–50-е гг. борьба государства с кровной мезтью усилилась. На Северном Кавказе стали применять более суровые меры пресечения этого преступления. По настоятельной просьбе прокуратуры Северокавказского края в 1931 г. Пленум Верховного суда РСФСР в Москве принял поправку к Уголовному кодексу Федерации. С этого времени убийства на почве кровной мести стали рассматриваться как «государственные преступления» по ст. 58, п. 8. За них было положено применять высшую меру наказания — расстрел.

Полностью искоренить кровную мезть в регионе не удалось, но с конца 30-х гг. она идет на убыль. Немало кровников в годы сталинских репрессий погибли в ссылке или лагерях, куда они попадали по доносам и ложным обвинениям представителей враждующих с ними фамилий. К 70–80-м гг. число официально зарегистрированных случаев кровоотмещения по всему Северному Кавказу значительно сократилось. Преступления, квалифицированные как «пережитки местных обычаев (включая кровную мезть)», составляли менее 1% общего числа преступлений в регионе.

Перемещение основной массы преступлений в города вызвало изменение характера судебных дел. Удельный вес традиционных для горцев столкновений в городе и в деревне сокращается. Под усиливающимся влиянием городов и городского образа жизни уже в 50–60-е гг. исчезают такие типичные для досоветской деревни столкновения, порой ведущие к кровоотмещению, как периодические драки между детьми и подростками из враждующих сельских фракций — «старых» и «пришлых» кланов (тухумов) и кварталов. Последние такие столкновения были засвидетельствованы в 40-е гг. этнографами Г. Ф. Чурсиным, М. Е. Шиллингом, Л. И. Лавровым. В то же время вместе с семьями переселенцев в города переко-

чевала и кровная месть. Она заняла прочную нишу в структуре городской преступности. По данным МВД, в конце 70 — начале 80-х гг. месть была основным мотивом 47% зарегистрированных в больших городах телесных повреждений и 70% убийств. Наряду с мужчинами своим кровникам стали мстить и женщины. Из жертв кровной мести они все чаще становились ее активными проводниками. С 60-х гг. некоторые семьи кровников для наказания своих обидчиков начали нанимать профессиональных убийц.

Мотивы и способы кровоотмщения особо не изменились. Поводом к кровной мести в советское и постсоветское время служили, с одной стороны, умышленные или неумышленные ранения и убийства; с другой — случаи оскорбления женщин и прелюбодеяния. Кровная месть возникала и между сельскими общинами. Поводом к ней в данном случае служили поземельные споры, которые всегда были бичом малоземельных кавказских горцев. В советское время такие споры не раз возникали сначала между обществами, а затем между колхозами и совхозами.

В 1928 г. земкомиссии Дагестана отметили 36 «нерешенных остро стоящих поземельных споров» на территории республики. В столкновениях из-за спорных земель, о которых будет рассказано ниже, обычно участвовали не отдельные колхозники, а большие группы мужчин и женщин. Согласно докладной записке Наркомзема ДАССР в Дагестанский ЦИК от 13 октября 1924 г. земельные споры между сельскими обществами доходили до вооруженных столкновений, в результате чего случались убийства и ранены.

Советская власть продолжала использовать испытанные нормы, применявшиеся в дореволюционном адате для борьбы с кровной местью. В случае столкновения кланов-тухумов или целых общин сторону, признанную виновной, порой выселяли в отдаленные места республик и областей. За пределы ДАССР были сосланы без семей виновные в

убийствах, поджогах и ранениях, совершенных в селении. Кроме того, для примирения кровников районные советы создавали примирительные комиссии. В них, кроме представителей враждующих сторон и местного колхозного начальства, входили авторитетные колхозники, в основном, старики. В 1957–1962 гг. при возвращении на Северный Кавказ насильно депортированных в 1944 г. чеченцев, кровников вызывали в примирительные комиссии и брали с них подписку о прекращении вражды. С 60-х гг. власти широко прибегали к посредничеству воссозданных в это время советов старейшин.

Распад СССР и обострение криминогенной обстановки в регионе способствовали «возрождению» кровной мести. К концу 90-х гг. количество убийств и ранений на почве кровотошнения превысило даже дореволюционный уровень. Сегодня 10–15% всех зарегистрированных в республиках преступлений совершаются на почве кровной мести. Большинство случаев кровной мести отмечено в Центральном и Северо-Западном Дагестане, в равнинной Чечне, Ингушетии, Северной Осетии и Абхазии. Важно отметить, что именно эти районы представляли собой основной ареал существования кровной мести в дореволюционное и раннее советское время. Кроме того, вследствие массового переселения горцев из этих районов на равнину область распространения кровотошнения в настоящее время охватывает и часть равнинных районов Ставрополя и Кабардино-Балкарии.

Глава шестая

Феномен абречества

Воинственность горцев: мифы и реальность

Вплоть до российского завоевания между кланами горцев случались кровопролитные стычки и междоусобицы. К этому времени в российской историографии о Кавказе сложился отрицательный образ горца как носителя духа разрушения. Даже такие объективные авторы, как С. М. Броневский, считали, что горцы «приобретение корысти силой оружия вменяют себе за честь... яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи друг против друга и в окружных странах». По словам русских авторов эпохи Кавказской войны, характерная черта кавказских горцев, кроме благородных поступков, заключалась в страсти к набегам и походам.

Мемуаристов, жалующихся на разбои горцев, можно понять. Обычно они испытали их на личном опыте или писали со слов людей, подвергшихся нападениям горцев. Действительно, вплоть до завоевания Кавказа Россией путешествие по краю без провожатого могло привести к неприглядным ситуациям. На побережье Каспийского моря пиратствовали владыки небольших ханств Дагестана. Еще в конце XVIII в. один из них — уцмий Кайтагский — пленил российского академика С. Гмелина, отправленного на Кавказ с дипломатической и научной миссией. Тот скончался в плену в 1774 г. На Северо-Западном Кавказе черкесские и карачаевские князья и уздени прославились «наездничеством» — так дореволюционные авторы называли набеги их конных дружин. Другой ученый того времени, И. Гюльденштедт, семь лет находился в плену у черкесов.

Как и во всем средневековом мире, противоборствующие стороны применяли самые жесткие методы борьбы, такие,

как набеги на вражеское селение. В 1-й половине XIX в. жесткие методы борьбы с противником применяли не только разбойники-абреки вроде чеченца Бей-Булата, но и царские генералы. В наместничество на Кавказе генерала Ермолова (1816–1827 гг.) русские войска сжигали целые аулы, вырезали непокорное население, захватывая его скот и прочее имущество. В рапорте о своих действиях в Чечне генерал Пулло сообщал о проведении им набегов с истреблением населения и взиманием заложников-аманатов. В свою очередь Шамиль пользовался услугами абреков. Его отряды не менее жестоко выжигали непокорные «предательские» селения, уводя в плен их жителей (например, при сожжении в 1843 г. с. Хунзах и разрушении в 1845 г. с. Чох).

Еще важнее отметить, что процитированные выше авторы преувеличивали значение таких взаимоотношений на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX в. весьма неполные источники отчетливо говорят о том, что «набеги» отнюдь не являлись основным источником существования местных жителей. На это обстоятельство обратили внимание еще некоторые дореволюционные кавказоведы. Так, И. Пантюхов отмечал, что, не будучи знакомы с внутренней жизнью горцев, но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки считали их дикарями и разбойниками. На самом же деле, правильная внутренняя организация, например, лезгинских общин, честность во внутренних взаимоотношениях и оседлая земледельческая культура не давали основания для такого мнения.

Противостояние между Россией и горцами усилилось после того, как горцам был закрыт выход на равнину на отгонные пастбища и на рынки для торговли. Попытки загнать горцев в горы в «каменные мешки» — это была тактика всех захватчиков. И на это горцы ответили «виларатом».

Многими исследователями XVIII–XIX вв. не принималась оценка горца как профессионального разбойника. Основой

существования горского общества было многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же там, где они имели место, носили спорадический характер.

Обратимся к такому явлению как кавказское *абречество*, как явлению, вызванному определенными историческими условиями той эпохи, для которой оно было наиболее характерным. При таком подходе несложно обнаружить, что основная масса свидетельств о профессиональных разбойниках-абреках на Кавказе падает на XIX–XX вв. Сам термин «абрек», как это ни удивительно, стал употребляться на Кавказе в его современном значении весьма поздно — только в 30–40-е гг. XIX столетия.

Что же означает слово «абрек»? Ф. И. Леонтович, обобщивший сведения дореволюционных авторов об этом термине, так характеризует изгоя, исключенного из семьи и рода. По своему положению абреки были бездомные бродяги. Обстоятельства сложились так, что жить и воровать для них было одно и то же. Юридическое положение абрека проявлялось в полной его незащитности и несправности. Почти так же этот термин определен в «Этимологическом словаре осетинского языка» одного из крупнейших кавказоведов-лингвистов В. И. Абаева: «беглец, совершивший какой-то проступок». Такое значение слова «абрек» имело не всегда.

Считается, что сам термин восходит к иранскому слову «бродяга, грабитель» (ср.-перс. *арагак, ср.: ново-перс. авага «бродяга»). Из иранского через тюркский уже в древности он попал в кавказские языки. В некоторых из них, как, например, в аварском, он сохранил свою изначальную форму (аварск. апараг). В Нагорном Дагестане и Чечне XVI–XVIII вв. апарагами называли свободных переселенцев, занимавших в сельской общине промежуточное положение между полноправными общинниками и рабами. Аварская пословица гласит: «Дом пришельца — на краю селения». Среди апарагов было немало кровников, бежавших из родных мест из-за совершенного ими убийства.

У горцев Северо-Западного Кавказа этот термин, звучавший здесь как «абрег», означал изгнанного из общества за проступок или преступление князя или дворянина. Важно отметить, что ни в одном из этих случаев абрек/апараг еще не относился к бездомному бродяге, вынужденному жить разбоем. Адыгские и карачаевские князья-абреки могли найти убежище у своих вассалов-дворян либо укрыться в России или в Крыму. Дагестанские апараги были надежно защищены от преследований кровников общиной и кланом-тухумом своих хозяев, у которых они поселились на чужбине.

В русский язык слово «абрек» попало из тюркских языков в эпоху Кавказской войны XIX в. Причем к этому времени оно означало уже не столько «беглеца» и «изгоя», сколько «разбойника». Термин этот служил синонимом любого «немирного горца». С такой негативной коннотацией он впервые встречается в изданном в 1863 г. толковом словаре Толя. Столь же черными красками рисует абреков словарь Даля, куда этот термин вошел со второго издания, опубликованного в 1880 г.: «Абрэк — отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке». К этому времени слово «абрек» приобрело подобное значение и в кавказских языках.

К началу XX в. значение термина опять меняется. Он приобретает смысл «благородный разбойник из кавказских горцев». Именно так определил его генерал-майор Б. Полозов, перед революцией служивший в жандармерии Елисаветпольской губернии (сейчас Северный Азербайджан) и сам боровшийся с абреками. Не скрывая уважения к своим бывшим противникам, он писал: «Часть разбойничьего люда... на Северном Кавказе называют абреками, а на юге, в Закавказье, кочахами (ср. азерб. касак — «беженец»), т. е. беглецами. Абреки или кочахи ничего почти общего с русскими разбойниками, в первую очередь ворами и грабителями, не

имеют. Правда, все они также находились под угрозой Сахалина или даже виселицы, а многие уже побывали на каторге и с сказочными приключениями бежали, после мытарств по тайге и России, добрались до Кавказа и вступили в шайку какого-нибудь знаменитого харамбаши (здесь — атамана) и таким образом переходили на нелегальное, но свободное житье в лесных и горных дебрях Кавказа. На каторгу эти натуры попадали главным образом (около 80%), за убийство по старинному азиатскому обычаю кровной мести «канлы».

Последние изменения в нюансах толкования абречества произошли в советское время. Под влиянием официальной советской пропаганды этот термин предельно идеологизируется. В него вкладывается значение «участник антиколониального/антигосударственного движения против России/СССР». Например, в толковом словаре русского языка Ожегова абрек определяется следующим образом: «в период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царской администрации и русских войск». Далее БСЭ отмечала, что «после революции 1917 г. абречество выродилось в обычный уголовный бандитизм». Примерно в таком же значении термин абрек вошел во все советские словари и энциклопедии.

Вместе с тем при Советской власти абречество продолжало поэтизироваться. Грузинский писатель Чабуа Амиреджоби создал образ благородного кавказского разбойника на основе сведений о реальном абреке — Дата Туташхиа. В 1977 г. по его роману был поставлен художественный фильм «Берега», прославивший Дата Туташхиа по всему Советскому Союзу. Можно упомянуть также роман К. Гатуева о Зелимхане Гушмазукаеве, абреке, разбойничавшем накануне революции в Чечне, Дагестане и Ставрополье, рассказы Фазиля Искандера об абхазских бандитах, реально действовавших в 60–70-е гг. XX в. При чем если Гатуев и Амиреджоби просто идеализировали абреков, то Искандер, беспри-

страстно описавший «человека-зверя», абрека Уту Берилава, тем не менее, опозитизировал абречество. Недаром в романе его герой помог восстановить справедливость, попорченную коррумпированной грузинской милицией.

И донныне слово «абрек» имеет значение «благородный разбойник с Кавказа». Новая волна популяризации абречества среди северокавказского населения связана, прежде всего, с сепаратистским конфликтом в Чеченской Республике. Помимо всех прочих негативных последствий двух военных кампаний, произошла романтизация образа чеченского боевика как борца за свободу Кавказа, которая зафиксирована во множестве появившихся в этот период песен и легенд, считающихся народными, в публикациях региональных СМИ, сепаратистских сайтах в Интернете. Английский историк А.Ливен даже назвал чеченских боевиков «Антеями с гранатометами».

Постепенное изменение семантики термина «абрек» на Кавказе XIX–XX вв. и приобретение им своего современного значения произошло в силу перемен, произошедших за это время в условиях жизни горцев. Мы разберем эту метаморфозу ниже. Здесь же рассмотрим социальные институты, из которых вырос профессиональный разбой на российском и советском Кавказе. Ведь современное абречество возникло не на пустом месте, и без соответствующих предпосылок никакие государственные преобразования не могли бы вызвать его к жизни.

Мужские союзы и культ воина-джигита

Какие институты и представления лежат в основе абречества? Это военные дружины горской молодежи и культ воина-джигита. Обратимся сначала к первому. Как известно, вплоть до включения Северного Кавказа в состав Российского государства в XIX в. военные силы мелких политиче-

ских образований — сельских общин, их союзов и ханств, — формировались по принципу всенародного ополчения. В основе таких военных отрядов были союзы неженатой молодежи горцев. Юноши проводили зиму в большом общем доме-крепости, посвящая свой досуг военным и спортивным упражнениям, и пирам. Дома эти обычно принадлежали отдельным тухумам. Единичные постройки такого рода сохранились до наших дней, например, т.н. «Басханова крепость» в багвалинском с. Кванада в Нагорном Дагестане.

Как союзы молодежи, так и сельские ополчения, куда кроме них входило все дееспособное мужское население сельских кланов, не были ни профессиональными воинами, ни тем более разбойниками. Косвенно на это указывает тот факт, что ополчения союзов сельских общин и отдельных ханств могли насчитывать до нескольких десятков тысяч человек. Так, в документе XV в. «Завещание Андуника», перечисляющем владения аварского нуцала, говорится: «В области Дагестан двести десять тысяч мужей (т.е. воинов-ополченцев. — В. Б.), в том числе шестьдесят тысяч в Табасаране, тридцать тысяч у Кайтага, сто тысяч мужей в войске (аскар) падишаха Газикумухского, двадцать тысяч в войске нуцала Аварско-го...» Когда в апреле — мае сходили снега, ополчение одной или нескольких общин могло совершать набеги на соседей.

В свою очередь, ополченцы должны были защищать общину от внешнего вторжения. Следует отметить, что тухум как воинское подразделение выступал только в общевойсковых ополчениях. Обычно же для набега или отражения нападения неприятеля набирались добровольцы со всей сельской общины. Такие отряды разбивались на «десятки» и «сотни». Кроме военных обязанностей ополчения сельской молодежи выполняли некоторые сельскохозяйственные (очистка полей от камней, косьба и проч.) и строительные работы.

Во главе военных сил горцев в независимых сельских общинах Дагестана и Чечни стояли выборные предводители.

Называли их по-разному: хан, шах. У адыгов до середины XVIII в. их роль играли князья-пши, реже дворяне-уздени. Важной прерогативой князя было право объявления войны и мира, созыва дворянского ополчения и организация военных походов. Причем, упоминавшиеся выше набег носили в основном оборонительный характер. Должность князя отнюдь не являлась синекурой. Пши не только предводительствовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере образцы доблести и рыцарского отношения к долгу.

Важно отметить, что у большинства кавказских горцев — народов Дагестана, вайнахов, адыгов и осетин — не существовало жестких сословных рамок. «Быть удальцом в горах, — отмечал Н. Берзенов, — значит быть аристократом». Участие в войне, тем более руководство походом, давало возможность достичь почета и власти. Образцом для подражания каждого мужчины-горца был выработавшийся веками образ удальца-джигита. Некоторые из отличившихся на поле брани джигитов сосредоточивали в своих руках огромную, хотя и временную, власть. Известны случаи, когда они подчиняли себе свои сельские общины, становясь их наследными правителями. Так, рутульские беки XVI–XIX вв. из Южного Дагестана вели свой род (тухум) от бывших предводителей набегов. Своих предводителей чеченцы выбирали из семейства, которое в течение веков давало отличных военачальников и потому было у них в большом почтении. Нередко случалось, что община физически истребляла слишком возвысившихся военных предводителей. Другие общества то призывали, то изгоняли потомков своих военных предводителей — беков и чанков. По мнению дагестанского историка Р. М. Магомедова, обычай постоянной смены воинов в отрядах мешал появлению в обществах Нагорного Дагестана, Чечни и Ингушетии военного сословия, могущего захватить власть.

Все рассмотренные выше элементы традиционной культуры насилия — мужские союзы и культ воина-джигита — помогли небольшим общинам горцев выживать в условиях постоянных междоусобиц и завоеваний с севера и юга. Несмотря на жестокие формы насилия, они не позволяли горскому обществу дойти до состояния анархии. Как и повсюду, в нем, конечно, были свои разбойники. Некоторые из них, например аварский Хочбар, по преданиям живший в начале XVIII в., стали даже героями народных песен и героических сказаний. Но, как показывают исследования историков и этнографов, профессиональный бандитизм рассматривался в нем как нечто антисоциальное, из ряда вон выходящее.

Отношение горцев к разбою было двойственным. С одной стороны, им восхищались юноши, для которых набеги были средством добыть славу и почет настоящего джигита. Одна из чеченских песен XIX в. о героях набега кончается пожеланием: «Да родятся у каждой матери подобные сыны». С другой стороны, в горском фольклоре есть также немало выпадов против набегов и их участников. Такой характер, в частности, носят песни о разорении горных селений войсками иранского завоевателя XVIII в. Надир-шаха, до сих пор распространенные в дагестанском фольклоре. С явным осуждением говорит о набеге плач о разорении отрядом Шамиля с. Чох, записанный современным дагестанским историком П. И. Тахнаевой. Песня кончается пожеланием участникам набега, павшим под Чохом, вечно гореть в аду. Подобные песни записаны у рутульцев и у других народов Дагестана.

Военные реформы XIX в. и абречество

Мужские союзы сильно изменились в XIX в. Сельское ополчение, прежде опиравшееся на союзы неженатой молодежи, было реорганизовано уже при Шамиле. На территории имамата мобилизации подлежали все боеспособные мужчины

от 15 до 50 лет. Во главе отрядов ополченцев были поставлены заместители имама — наибы и младшие командиры из числа его мюридов. Они должны были заботиться о том, чтобы все ополченцы имели определенное количество амуниции и провизии и чтобы их оружие и одежда отвечали требованиям. Те, которые могли позволить себе достать лошадь, должны были сражаться на лошадях. С конца 30-х гг. XIX в. Шамиль начал создание регулярного войска горцев на основе рекрутской повинности. Каждые 10 дворов должны были выставить одного вооруженного всадника. Эти всадники, называемые *муртазиками*, освобождались от сельских работ и всецело посвящали себя военной службе. Конницей командовали наибы. Кроме того, в середине 40-х гг. Шамиль организовал регулярный отряд пехоты под его личным командованием.

После разгрома имамата и установления российской власти на всем Северном Кавказе горские ополчения были распущены. Мужские союзы сохранились, но они были лишены основных военных функций. Дагестанский этнограф А. Г. Булатова выявила следующие свидетельства их упадка. Во-первых, во 2-й половине XIX в. мужские союзы уже не охватывали всех поголовно молодых людей селения. Кроме неженатых юношей с 15 лет, сюда стали входить женатые мужчины до 40–50-летнего возраста. Во-вторых, к советскому времени военные дружины горской молодежи выродились в своего рода мужские клубы. Всю зиму они посвящали теперь только пирам и развлечениям. Военные предводители горцев оказались не у дел. Они встали перед выбором: либо поступить на русскую службу в горскую милицию, либо быть объявленными вне закона как преступники и злодеи.

Несмотря на военное поражение, какое-то время «немирные горцы» продолжали укрываться на землях уже подчиненных территорий, благодаря своим кунакам. Это вызывало недовольство российских властей. Чтобы контролировать перемещения гостей-кунаков по российскому Кавказу,

еще в конце XVIII в. тут была введена «билетная» система. Въезд в Кавказскую линию, ограждавшую российские земли, а также выезд за ее пределы производился по «билетам» — письменному разрешению, своего рода паспорту, выданному российскими военными властями. Еще в 1793 г. было воспрещено кабардинцам отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае, укрывать преступников под видом гостеприимства. В 1-й половине XIX в. билетный режим укреплялся. В 1831 г. военное начальство попыталось ограничить ношение оружия горцами. В Кабарде было обнародовано обращение, чтобы никто из кабардинцев, пеший не ходил и на лошадях не ездил вооруженным, а особливо, где бывают русские... если кто в лесу найдется вооруженный и встретится с русским, тот признаваем будет за хищника и убит как злодей».

Горцам запрещалось принимать «безбилетных» кунаков. Поощрялось доносительство на тех, кто принимал «немирных горцев» или участников набегов. В предписании Кабардинскому временному суду от 1847 г. указывалось: «Если окажется, что кто-либо из кабардинцев будет держать у себя в гостях прибывших из-за Кубани, из-за Терека и из назрановцев (имеются в виду ингуши), который не явился к русскому начальству или не имеет билета, то подвергнется штрафованию по усмотрению вины его; а если будет передерживать подозрительных людей, абреков, то подвергнется строгому по законам русским взысканию». Столь же строгая билетно-паспортная система по мере завоевания была распространена и на другие районы Северного Кавказа. Паспортный режим для горцев смягчился только к началу XX века.

Военные и судебно-административные преобразования на дореволюционном Северном Кавказе помогли властям «замирить» горцев и стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в регионе. Но в то же время они парадоксальным образом подготовили почву для появления абречества.

Наряду с кровной мстью оно стало настоящим бичом Северного Кавказа. Абречество представляло собой профессиональный разбой нового типа, характерный для посттрадиционного общества, однако воспринималось самими горцами, политиками и учеными как продолжение удалства местных джигитов. Российское правительство превратило прежних военных лидеров горцев в абреков-изгоев по отношению к России, объявив их вне закона и лишив права убежища.

Таким образом, с одной стороны, деклассированные князья и военные предводители сельских ополчений постепенно превращались в профессиональных разбойников-абреков, какими их и считали российские власти. Из этого слоя вышли многие знаменитые абреки первой половины XIX века. Это были такие известные «наездники» (т. е. участники набегов-зекве), как кабардинский князь Тау-Султан Атажукин. Из князей и беков, лишенных российскими властями их прежнего достоинства, вышли знаменитые абреки, некоторые из которых, вроде Даниял-бека султана Елисуиского, Хаджи-Мурата Аварского и Мухаммеда Анзорова из Кабарды, занимали видные посты в имамате Шамиля.

С другой стороны, возникла среда, благожелательно к ним настроенная, при негласной поддержке которой абреки могли долго продолжать свои набеги и грабежи. О поддержке абреков горцами говорят многочисленные случаи укрывательства «немирных» кунаков на Северном Кавказе XIX века. Так, в 1853 г. в рапорте начальнику Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин указывал, что в Кабарду и другие подведомственные ему племена Центра Кавказской линии «часто и много приезжают из разных мест по своим делам люди, из коих нельзя положиться на благонамеренность каждого и о прибытии которых не только сам он, но часто приставы и экзекуторы не были извещены». Если же из-за доноса открывалось местопребывание абрека, нередко его хозяин скрывался вместе с ним за линией.

Сложившись как новое социальное явление в эпоху Кавказской войны, в течение двух последних веков абречество существует спорадически. В периоды усиления централизованного государства оно затухает; в случае его ослабления — вновь возрождается. В его развитии можно выделить несколько основных периодов. Это эпоха Кавказской войны и антироссийских восстаний, завершившаяся к 1870-м гг.; затем период между двумя русскими революциями начала XX в.; Гражданская война и ранний советский период 1920–40-х гг.; наконец, полная общественных потрясений постсоветская эпоха. От периода к периоду формы и значение культуры насилия на Кавказе порой существенно менялись.

Изменение кавказского абречества в XX веке

На 1910-е гг. падает деятельность самых известных кавказских абреков. Характер абречества к этому времени сильно изменился. Область их действия сместилась к городам и крупным переселенческим аулам на равнине и в предгорьях. Укрывались же они по-прежнему в горах. Например, когда абрек Зелимхан Гушмазукаев ограбил 27 марта 1910 г. Кизлярское казначейство, то укрылся с деньгами в горной Чечне. Этим грабежом он отомстил бывшему атаману Кизлярского отдела Вербицкому за выступления против Зелимхана в газетах. В 1905–1913 гг. известный абрек Буба из лезгинского с. Икра в Южном Дагестане с отрядом из 20 человек на всем протяжении берега Каспийского моря от Баку до Петровска (современная Махачкала) обложил взносом каждый рыбный промысел, крупных садовладельцев и богатых купцов г. Дербента. Благодаря поддержке местных жителей он мог за считанные дни довести свой отряд до 200 человек. Из городов он получал оружие и амуницию.

Основным методом борьбы российских властей с абречеством в это время были военные рейды и карательные экс-

педии. Причем средство это было весьма дорогостоящим и не всегда эффективным. В 1908–1913 гг. власти Дагестанской и Терской областей вынуждены были держать в районах действия абреков, в частности в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах, значительные отряды регулярных войск и местной милиции. Наиболее видные абреки были, в конце концов, истреблены физически: Ших-Заде и Зелимхан Гушмазукаев погибли в боях с милицией, Буба Икринский и Саламбек Гараводжев из Сагопши сдались властям и по приговору военно-полевого суда были повешены (1913 г.). К началу Первой мировой войны Северный Кавказ вновь был замирен, но не надолго.

Следующий взлет абречества начался в годы Гражданской войны. Нагорный Дагестан и Чечня, Кабарда и Ставрополье стали ареной действий отрядов горцев разной политической окраски. Некоторые небольшие города, как Хасавюрт, ими были дотла разорены. В период между двумя русскими революциями это движение успело политизироваться и идеологизироваться. Кроме «красных», с которыми они заключили союз как с врагами царской России, абреки сблизились с мусульманскими лидерами горцев. Большинство абреков, называвших себя «красными партизанами», сражались в 1918–1920 гг. на стороне шейха Али-Хаджи из даргинского с. Акуша и большевиков, а часть из них поддержала врагов Советской власти — аварских шейхов Узун Хаджи из с. Салта и Нажмутдина из с. Гоцо (Гоцинского). В Кабарде в это время действовал отряд узденя Кургоко Шипшева вместе со своими родственниками по материнской линии карачаевскими узденями Каракетовыми-Запишевыми.

Для борьбы с контрреволюцией в 1922 г. Дагестан и некоторые районы Чечни были объявлены на военном положении. Было начато формирование отрядов сельской милиции и частей особого назначения (ЧОН). Власти провели в сентябре 1926 г. разоружение горцев. Силами сельских ком-

мунистов, милиции и ЧОН только в одном Дагестане было изъято 60 тыс. единиц оружия военного образца. Причем бывшие красные партизаны получили право сохранить винтовки и револьверы. Такого зарегистрированного у них при разоружении оружия насчитывалось 15 тыс. единиц. У остального населения было оставлено только холодное оружие — шашки и кинжалы. Окончательное разоружение горцев было проведено в 1944–1946 гг. С 1990-х гг. абреками именуют себя участники боевых отрядов сепаратистов на территории Северного Кавказа.

Глава седьмая

Кавказские традиции в современной жизни

Итоговый взгляд на бытование кавказских традиций

Хотя традиции воплощают в себе сложившиеся и передающихся из поколения в поколение социальные нормы и установления, они сами по себе не являются вечными. Сегодняшние традиции когда-то были инновациями, а сегодняшние инновации (или некоторые из них) со временем могут стать традициями. Поэтому в условиях глубоких трансформаций общественной жизни, которые пережил Северный Кавказ вместе со всей страной за последние двадцать лет, многие из традиций стали уходить из жизни или проявляются в измененной форме, приспособленной к условиям меняющегося мира.

В прошлом осталась *баранта* как форма коллективной ответственности общины за преступление, совершенное его членом. Исчезли почти окончательно, – особенно после упразднения колхозов, общесельские праздники пахоты и урожая. Большой редкостью стало соблюдение обычая дарить ягненка путнику, остановившемуся на чьей-либо отаре. Заметно сузилась сфера применения обычая взаимопомощи, согласно которой все наиболее трудоемкие виды работы (строительство дома, уборка урожая, заготовка дров, стрижка овец и др.) совершались сообща. В современных условиях преобладают повсеместно приватные формы решения хозяйственных и многих других задач.

Тренд в сторону персональной ответственности и индивидуалистического способа реагирования на возникающие проблемы, подрывая устои традиционного, коллективистского образа жизни, привел к заметным сдвигам во всех сферах жизни. Колоссальные изменения произошли в куль-

туре питания, манере одеваться, в строительстве и обустройстве жилищ. Сейчас во всем этом ощущается близость к европейским стандартам. В то же время сохраняются этнокультурная специфика и преемственность кавказского образа жизни и кавказского способа исполнения обычаев. К примеру, знаменитое кавказское гостеприимство сохраняется, но в иной форме. Уже не строятся специальные гостевые дома – *кунацкие*, но в каждом сельском доме, а часто и в городских квартирах есть комнаты, отведенные для гостей. Условия современной жизни позволяют разместить гостей в гостиницах, угощать в кафе и ресторанах, возить на автомобилях. Главное, чтобы сохранялась общая заданность обычая – чтобы гость был хорошо устроен, накормлен, чтобы ему было оказано содействие в его делах, чтобы на прощание ему преподнесли какой-нибудь подарок, проводили с почестями.

О том, что традиции носят гибкий, приспособительный характер, свидетельствуют изменения, которые претерпела кровная месть. В своей наиболее жесткой, классической форме – она приводила к состоянию вражды и войны всех представителей рода убийцы и убитого. В настоящее время круг враждующих сторон сузился, а желание отомстить за убитого испытывают обычно только его ближайшие родственники или только один из этих родственников. Изменились формы кровомщения. Уже в XVIII-XIX вв. принцип «кровь за кровь» был заменен в значительной мере (особенно у народов Западного Кавказа) системой материальных и денежных выплат и компенсаций.

Следует также заметить, что кровная вражда в широком смысле слова является порождением условий жизни в малом, замкнутом обществе, с обостренным чувством собственного достоинства. В современной жизни эти условия проявляются не только в виде открытых форм агрессии и насилия, но тайного вредительства, доносительства, распространения ложных слухов. Разъедаая общество изнутри,

все это снижает уровень согласия и доверия в нем, привлекательность Северного Кавказа для остального российского общества и для внешнего мира.

Как видно из приведенных примеров, многие кавказские обычаи остаются, но дают о себе знать и проявляются по-другому. Особо следует сказать в данной связи, что одни и те же обычаи исполнялись и исполняются у разных народов Кавказа по-своему, отражая культурные различия и своеобразие исторического развития каждого из них. К примеру, в настоящее время у осетин, карачаевцев, балкарцев, *многоженство* практически не наблюдается, а в прошлом имело место лишь в исключительных случаях, как реакция на полное отсутствие потомства или отсутствие сыновей – продолжателей рода. В то же время в Дагестане и особенно в Чечне и Ингушетии это живая традиция, одна из норм ислама. Однако и в этих республиках практика многоженства не носит массовый характер, а является лишь способом самоидентификации и улучшения демографических показателей. При этом нередко подчеркивается, что установленная религией полигамия, также, к примеру, как и запрет на употребление свиного мяса носят сакральный характер и не требуют рациональных объяснений.

Традиции и культура родства

Родство на Кавказе – по-прежнему сложная, многофункциональная социальная структура, в которой кланы с их специфическими характеристиками распадаются на патронимические ветви, а патронимии в свою очередь на семьи. В кланах и патронимиях выделяются самые старшие по возрасту мужчины. Они пользуются всеобщим уважением. С ними советуются, их одаривают по случаю каких-либо праздничных или похоронно-поминальных обычаев, приглашают на мероприятия, проводимые в родственных объединениях или в отдельных семьях.

Вместе с тем существуют реальные главы кланов и патронимий, которые управляют наиболее важными текущими делами родственной группы. Обычно это внушительного вида многоопытные, умные, красноречивые мужчины возрастом около 55-80 лет. Они, выполняют функции руководителей и организаторов, когда дело касается родовой взаимопомощи, установления брачных союзов, свадебных или послесвадебных торжеств, проведения похорон и поминок, решения спорных вопросов внутри патронимии и за ее пределами. Такой порядок родственных связей и отношений поддерживается повсюду в сельской местности, вовлекая в установившийся традиционный порядок и городских жителей. Другое дело, насколько удачно и успешно удастся справиться с поддержанием традиций родства. Это зависит от сил, энергии, авторитета старших в роду. Когда в обществе падает вес и авторитет какого-либо рода, говорят: «не могут собрать свой род, не осталось у них старших – с именем, с головой».

Хотя большие (многопоколенные) семьи исчезли, сохраняется в общих чертах традиционный семейный уклад и этикет. Непререкаемым остается авторитет отца – главы семейства. Обычно его указания выполняют беспрекословно все домочадцы. Жена оказывает мужу знаки внимания и покорности, но наиболее важные вопросы домашней жизни решаются под ее руководством, либо при ее участии. Обычно отец держится на дистанции, подобающей роли патриарха, а мать, будучи более доступной для общения, психологически, эмоционально сближает и объединяет семейно-родственный коллектив.

Все еще действуют и по-разному проявляются *обычаи избегания* между невесткой и родственниками мужа, между зятем и родственниками жены, между мужем и женой, между отцом и его детьми. Отдельные компоненты этих обычаев привлекают своей практичностью. К примеру, в условиях

городской квартиры избегание между невесткой и свекром позволяет устранить излишние и неудобные в этих условиях встречи, контакты, разговоры.

Действует внутри семьи и наиболее общий принцип старшинства, обязывающий младших детей слушать старших. Не принято жениться раньше старшего брата, так же как младшей дочери не положено выходить замуж раньше старшей сестры. В то же время обычно именно младший сын наследует дом и все основное хозяйство отца, следит и ухаживает за престарелыми родителями.

При заключении брачных союзов по-прежнему дает о себе знать сословный принцип, унаследованный от феодального прошлого, но в последние годы в качестве критериев равного брака все чаще выступают должность и состоятельность родителей жениха и невесты. Учитываются также образование, место работы и занимаемые должности молодых. По-прежнему распространена женитьба путем *похищения невесты*, хотя чаще всего это умыкание по сговору, дань традициям кавказского удалства. В Чечне указом Р. Кадырова такие формы женитьбы в настоящее время запрещены, но едва ли от них откажутся в других регионах Северного Кавказа.

Возрождается традиция *брачных договоров*, оговаривающих размер калыма и приданного, процент той части средств, который жена получит в случае развода по инициативе мужа или по ее собственному желанию. Полагают, что это способствует укреплению брачных уз, что традиционный брачный договор, закрепляемый духовным лицом, не хуже брачных контрактов западного образца.

Приметой нового времени стало возрождение родовых, фамильных объединений, помогающих восстановить утраченные связи между дальними и близкими родственниками. Появились энтузиасты, собирающие материал по истории своих фамилий, издающие эти материалы в виде отдельных книг. Модным стало знать свои родословные и родословные

других фамилий и кланов. Среди активистов культуры родства много журналистов, учителей, бывших партийных работников, военных, бизнесменов. Под их руководством повсеместно проводятся *родовые встречи* или *съезды*. Собравшиеся на съезд избирают своего главу, совет представителей от отдельных ветвей рода, принимают устав, который оформляется затем юридически.

В уставе записан перечень задач, которые ставит перед собой родственный союз: знание своей родословной и родового знака (тамги), изучение и сохранение лучших традиций народа, взаимопомощь, воспитание детей и молодежи, публичное осуждение противоправных и безнравственных поступков, совершаемых отдельными представителями рода и чествование тех, кто своими достижениями прославил родственную группу.

Чтобы придать этому, во многом стихийному движению организованный характер, осмыслить и научно изложить все аспекты культуры родства, в Осетии и Кабардино-Балкарии в НИИ гуманитарного профиля созданы проблемные группы генеалогии, геральдики, охраны культурного наследия. Учитывается, что возрождение интереса к истокам своих фамилий, к родственным связям и отношениям является проявлением исторического сознания, активности, направленной на сохранение лучших традиций народной жизни и искоренение худших.

Традиции в семейном и общественном быту

Среди традиций семейного быта, не утративших своей привлекательности и значимости, следует назвать исполнение *обрядов детского цикла*: празднование появления ребенка на свет, обряды укладывания новорожденного в люльку, обряд первого шага. В настоящее время дополнительно к этому отмечают не практиковавшиеся раньше ежегодные

дни рождения, а в отдельных случаях так называемые серебряные и золотые свадьбы родителей. Как семейное торжество с приглашением соседей отмечают такие события как окончание школы, вуза, возвращения из армии, повышение по службе и т.д.

При неизбежных упрощениях обрядов жизненного цикла, некоторые ключевые элементы подобных традиций сохраняются. Например, рождение сына или долгожданной (после рождения множества сыновей) дочери ознаменовывается стрельбой из ружья, принесением в жертву бычка или барана. У кабардинцев в честь такого события устраиваются иногда показательные состязания молодежи, традиционные качания на качелях.

Сохраняется повсеместно – от Дагестана до Адыгеи *обряд первого укладывания ребенка в люльку*, который является частью семейного (женского) торжества. Обычно он совершается через семь дней после рождения, но не позднее, чем через месяц. Хотя в настоящее время чаще всего ребенка укладывают в современную детскую кроватку, а не в традиционную кавказскую люльку, многие другие важные компоненты обряда сохраняются. Считается необходимым, чтобы люльку (детскую кроватку), а также пеленки и одежду ребенка приобретали и преподносили в качестве дара приглашенные на торжество родственницы роженицы. Совпадают и сохраняются другие детали: в кроватку (люльку) укладывают сначала кошку (чтобы ребенок крепко спал), исполняет обряд обычно многоопытная пожилая родственница, прожившая счастливую жизнь, у которой «легкие руки» и сладкий язык, под подушку в качестве оберега кладут металлические предметы (нож, ножницы, колечко от кольчуги), Коран и т.д.

У народов Южного Дагестана в помещении, где находится младенец, на самое видное место вешают ключи, охраняющие его от нечистой силы. У дербентских евреев в комнате, где проходили роды, держали Тору, а также кусок козлиной кожи, на которой, по поверью, была изображена рука Моисея.

Как шумное и веселое семейное торжество с приглашением родственников и друзей проходит обряд первого шага ребенка. Он устраивается, когда ребенку исполняется год и сопровождается общими для всего Северного Кавказа ритуалами. Среди них на первом месте - символическое перерезание пут, мешающих ребенку ходить.

Украшением торжества, становится и ритуал определения основного занятия ребенка в его взрослой жизни. Для этого перед мальчиком раскладывают на столике типично «мужские» предметы и игрушки, а перед девочкой типично «женские». В зависимости от того, какой предмет возьмет ребенок, судят о его будущей жизни и профессии: у мальчиков – священнослужитель, если прикоснется к Корану, воин – если схватит игрушечный пистолет и т.д., у девочек рукодельница, если возьмет нитки или легкомысленная кокетка, если выберет зеркало и т.п.

Возвращаются в повседневный семейный быт предписанные исламом *пятикратные молитвы*, каждой из которых предшествует тщательное омовение рук, лица, головы, шеи. Возрождаются и традиционные *пятничные молитвы* в мечетях. К числу традиций смешанного «семейно-общественного» типа можно отнести всенародные торжества и праздники, связанные с началом и окончанием мусульманского поста (ураза), днем рождения пророка Мухаммеда (мулид), праздником весны 22 марта. В среде салафитов (ваххабитов) последние два праздника отвергаются как противные «чистому исламу».

У традиционных мусульман и ваххабитов нет общего мнения и по некоторым другим частным вопросам: по поводу обязательного головного убора и кормления людей во время похорон, по поводу платы за отпевание покойного (деур), брачного контракта и калыма и др. Эти и другие аналогичные противоречия имеют идеологическую подоплеку. Для сторонников общемусульманского единства и «чистого ислама» религиозная доминанта культуры поведения ста-

новится постепенно сильнее ее этнической доминанты, что явилось полной неожиданностью не только для сторонников традиционного, исторически сложившегося ислама, но и для северокавказского общества в целом.

При этом факторы этничности и механизмы общероссийской идеологии как и в прошлом, являются определяющими. В общественном сознании и мнении они поддерживаются усилиями политиков и общественных активистов, средствами массовой информации, институтами гражданского общества, религиозными организациями. *Сложились традиции, которые позволяют объединить людей на почве общенациональных и общегражданских ценностей и идеалов, совместного переживания событий прошлого.*

Все население Северного Кавказа празднует вместе со страной День Победы 9 мая. В Кабардино-Балкарии, к примеру, каждый год 28 марта как всенародный праздник отмечается «День возрождения балкарского народа», как факт примирения с трагедией выселения в Среднюю Азию и полной реабилитации балкарцев. В республиках с адыгским населением 21 мая является днем жертв Кавказской войны. Это новые формы и проявления исторической культуры, обеспечивающие преемственность традиций, поддерживающие этническую идентичность и солидарность, высокий уровень доверия и взаимного понимания в обществе.

Кризис традиций морального мышления и поведения

Они были четко фиксированы в адатах, в освященных религией морально-правовых установлениях и кодексах. К примеру, привилегия отца семейства решать единолично важные хозяйственные и другие вопросы основываются на морально-правовом и сакральном принципе почитания родителей и старших. Сопротивление воле родителей, непочтительное отношение к старшим, гостям, детям, женщинам

считалось грехом в общерелигиозном плане, неприличным в этическом, наказуемым в правовом.

Согласно общим морально-правовым установкам сочувствия и помощи заслуживал каждый ходящий под Богом человек, но, прежде всего тот, кто в силу объективных причин был более уязвим и больше других нуждался в моральной и материальной поддержке. В первую очередь в эту категорию попадали старики, женщины, гости, дети. Вследствие этого культура эмпатии (сочувствия и сопереживания) оставалась в центре общественного внимания.

Особенно важным был признан религиозный момент. Люди верили, что обидевший гостя, ребенка, женщину или старого человека будет наказан и не только людьми, но и поражен рано или поздно Богом-громовиком, Святым Ильей, отвергнут Аллахом. Таким образом, основой социального порядка в традиционном кавказском обществе служило прочное и сбалансированное соединение правовой, религиозной и нравственной культуры. Каждый отдельный элемент этой триады усиливал свои позиции и степень воздействия на мышление и поведение человека за счет двух других.

Не вызывала сомнений справедливость и действенность такой, складывавшейся веками системы регуляции человеческих отношений. Что особенно показательно, с некоторыми изменениями, она эффективна функционировала не только после Кавказской войны, поддерживаемая царской администрацией, но также в первые годы Советской власти.

Ситуация изменилась в корне во второй половине 20-х годов XX века, когда была объявлена война обычаям, религии, начались репрессии против служителей культа, зажиточного крестьянства, интеллигенции. Традиционная мораль и правовая культура были расшатаны, разбалансированы. Пришедшая им на смену новая советская система этики и права, имевшая определенный успех, также, в конце концов, рухнула.

Смутные времена и события постсоветского периода на Северном Кавказе, как и во всей России, еще больше подо-

рвали устои нравственно-правовой культуры. Религиозное, прежде всего исламское, возрождение Кавказа погрязло в противоречиях между традиционалистами и салафитами, предпринявшими попытку модернизировать религиозную практику и культуру, освободить ее от элементов адата и местных обычаев. Странным образом эти противоречия были ознаменованы не богословскими спорами и дискуссиями, а они вылились в конечном итоге в открытую, кровопролитную войну ваххабитов и правоохранительных органов. Без суда и следствия были уничтожены не только откровенные бандиты и террористы, но и лидеры с солидным духовным образованием, с которыми можно было обсуждать возникшие противоречия, договариваться о способах их преодоления. На смену им приходят сейчас обманутые, покинутые всеми и ожесточившиеся в поисках работы и справедливости молодые люди 18-20 лет, плохо осознающие во имя чего жертвуют собой и своими близкими.

Не блещут пониманием сути происходящего противостоящие боевикам недостаточно образованные и чаще всего плохо воспитанные полицейские. Отсюда война на уничтожение и счет жертв с той и с другой стороны идет уже на тысячи. Особенно велики потери в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Самое прискорбное заключается в том, что фактически это война без правил, сопровождающаяся с обеих сторон исключительной жестокостью, систематическим нарушением прав человека. Трудно найти фамилию, в которой не погиб, не получил ранение кто-либо из числа полицейских или боевиков. Между тем информация о боестолкновениях неполная, отрывочная, случаев поимки боевиков, открытых судов над ними почти нет. Все держится на слухах, порой самых невероятных.

Без пагубных последствий для социального самочувствия и морального состояния всего общества такое противостояние не обходится. Основная масса населения, испытывая

глубокое разочарование, вяло и апатично воспринимает все происходящее, тем временем чиновники обогащаются, отнимая средства у предпринимателей и простых граждан. Именно плохо подготовленные и зачастую коррумпированные работники правительств, администраций, судов, прокуратур, полиций, налоговых служб, трудовых инспекций и т.д. задают тон моральному разложению в обществе, становятся организаторами рейдерских захватов, хищений, коррупционных схем. В их мышлении и повседневном поведении обретает реальность широкий спектр человеческих отношений, лишенный моральной значимости, наполненный жадной наживы и разрушения. Заражая своим примером, они устанавливают повсеместно правила поведения свободные от моральных оценок, позволяющие обойти любой закон.

По нашему мнению, социальная деградация на Северном Кавказе достигла критической массы, масштабы *аномии* (неспособности общества к саморегулированию) настолько велики, что наносят ущерб не только правовой культуре и культуре эмпатии, но и умственному состоянию и развитию северокавказских обществ. Дегенеративные процессы, вызывающие избыток насилия, бессмысленной вражды и жестокости, суицидов, психических расстройств выдвигаются вследствие этого на первый план. Собственно на первый план выдвигаются уже не социологические, а психофизиологические и медико-биологические проблемы населения Северного Кавказа, которые нуждаются в изучении и понимании.

Экстренная моральная, организационная, финансовая помощь со стороны федеральной власти и всего российского общества в этом смысле как никогда актуальна.

Заключение

С Северным Кавказом, как с любым другим регионом РФ, связано множество ассоциаций, стереотипов, ярких картин. Со времен Пушкина и Лермонтова у россиян складывался образ величественной горной страны, двуглавого Эльбруса, гордых и свободолюбивых воинов и неописуемых красавиц. В середине XIX в. К. Маркс призывал народы мира учиться у черкесов тому, на что способен народ, желающий остаться свободным. Тема Кавказа оставила огромный след в западноевропейской многожанровой литературе, музыке, изобразительном искусстве. Образ черкешенки запечатлели в своих операх такие великие композиторы как Бишоп, Бизе, Обер, Краманези. Многие страницы своих произведений посвятил Кавказу и кавказцам Вольтер. Черкешенка Айсэ подняла на небывалую высоту беллетристику Франции. История любви к черкешенке одарила Францию великим писателем Пьером Лоти.

Надо признать, что Кавказ и его жители вполне заслужили высокие оценки, любовь и признание россиян и мировой общественности. Но всякая слава имеет свою оборотную сторону. В последнее двадцатилетие образ северокавказской инаковости и самобытности начинает тускнеть, и все более и более циркулировать в прямо противоположном контексте. Говорят и пишут об экономической и культурной отсталости республик, об активизации радикальных исламистов и террористов, о принципиальной «несовместимости кавказской и общероссийской цивилизации», о необходимости ограничить дотации северокавказским республикам и научить местных жителей работать и зарабатывать самим.

События последних десятилетий были и в самом деле не лучшими для региона. Они не только не способствовали его поступательному развитию, но во многом отбросили назад. Ущербная культурная политика и войны в Чечне привели, по

справедливым оценкам экспертов, к «демомодернизации» республики. Только огромными усилиями самих чеченцев и при поддержке федеральной власти удалось осуществить впечатляющую постконфликтную реконструкцию в республике. Вслед за Чечней в этот процесс были вовлечены Дагестан, Ингушетия, все другие республики. Регион в целом, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев оказался в числе депрессивных, высокодотационных с высоким уровнем безработицы, коррупции, с массовым оттоком не только русского, но и коренного населения, миграцией специалистов в другие края и области России и мира. При заметном подъеме социально-экономической сферы в Чечне в последние 5-6 лет, в других республиках все еще сохраняется уровень, не достигающий среднего по России.

Можно приводить множество причин сильного отставания и деградации северокавказского региона и, частично, мы о них уже говорили. Невозможно согласиться лишь с тем, что в этом повинны традиции народов Северного Кавказа, что приверженцы и носители, этих традиций не умеют жить и работать, идти в ногу с развитием постиндустриального мира, информационного и трансформационного общества. Скорее, напротив, уничтожение, размывание народных традиций, связанная с этим утрата культурной идентичности и психологического комфорта, создавая хаос и неразбериху, блокируют развитие северокавказского региона. Главной задачей, которая объективно стоит сейчас перед политической элитой северокавказских республик является адаптация процессов модернизации к исторической памяти, к культурным традициям и стандартам, без которых народ не мыслит своего существования.

Такая задача стоит и перед всей страной. Важно понимать, что разнообразие культур является для России важнейшим капиталом и ресурсом динамичного развития. Выходцы с Кавказа в каждом уголке РФ вместе с величайшей

ответственностью за репутацию народа, который они представляют, должны чувствовать, что они не чужие в этой стране, что это их дом, достойными жителями которого они могут и должны оставаться всегда. При этом некоторые особенности во внешности, в манере одеваться, общаться, даже демонстративное подчеркивание своей этнической принадлежности и специфики следует рассматривать в общероссийском контексте, как приметку общероссийской жизни. И приметку позитивную. Лишь бы эти формы поведения не выходили за рамки приличий, не нарушали общественный порядок.

Нужно учитывать, кроме того, что манифестация кавказского происхождения, свойственная чаще всего молодежи больших российских городов является проявлением своего рода ностальгии по этнической родине, реакцией на дефицит в своем окружении этнозначимой кавказской информации. Кавказцам не свойственно желание затеряться в толпе, остаться незаметным, слиться с социальным окружением. Всякую утрату своей самобытности они воспринимают болезненно. Будучи в одном из городов Турции, один из авторов этой книги услышал от проживавших там стариков следующую историю. В послевоенное время среди местной черкесской общины жила в большой дружбе с адыгами семья одного коммерсанта-грека. Затем эта семья уехала. Спустя 40 лет после этого к старикам подошел молодой человек, сын этого коммерсанта. Он стал расспрашивать их, куда делись облаченные в национальный костюм с кинжалами за поясом горячие черкесские всадники, о которых ему постоянно с восхищением рассказывал его покойный отец. Старики, давно не седлавшие коней и одетые с европейский костюм, переглянулись, и, чтобы не расстраивать ни молодого человека, ни самих себя сказали: «Эти черкесы, стосковавшись по родине, однажды собрались, сели на своих коней и вернулись домой, на Кавказ. Сейчас здесь не осталось ни одного из них».

Самым лучшим выражением горячей любви кавказцев к своей Родине, к ее традициям стали слова замечательной российской поэтессы Инны Кажежевой, прожившей всю свою не очень долгую и счастливую жизнь в Москве:

Когда для счастья сердце мне мало
Когда печалют мелкие раздоры,
Я обращаю мысленные взоры
К тебе, Кавказ,- чистилище моё,
К вам, мои судьи, к вам родные горы!
Закрыв глаза, я вижу наяву,
Как вы в своем заснеженном обличье,
Неся тысячелетние обычаи,
Являетесь негаданно в Москву,
Чтоб рассудить: а так ли я живу?
А так ли я живу, пишу, люблю,
Служу огромному, как звезды, веку,
И к раненому веком человеку
Всегда ли и вовремя спешу?

Чтобы общество успешно развивалось и эффективно управлялось, нельзя отказываться от своих традиций и от своей истории, что особенно актуально сейчас, когда наступила эпоха транскультурализма и глобального этоса. Северный Кавказ с его вековыми традициями благородства, мужества, верности традициям постепенно поднимается с колен и возвращает себе достойное место в российской истории и в сегодняшнем дне нашей страны.

О распределенном научном центре межнациональных и межрелигиозных проблем

В соответствии с решением Президента Российской Федерации (№ 3230 от 4 апреля 2012 г.) Минобрнауки России совместно с Российской академией наук создало на базе Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов» Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем в Северо-Кавказском, Южном, Приволжском федеральных округах (РНЦ).

РНЦ имеет своей целью выполнять актуальные и приоритетные исследования прикладного значения, которые могут содействовать более эффективной работе органов государственной власти и управления, предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению российского самосознания, гражданского согласия и толерантности.

В основу работы РНЦ положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями, а также подготовка научных, справочных и методических материалов для государственных служащих, политических и общественных деятелей, работников средств массовой информации. Продукция РНЦ имеет целевую аудиторию, носит открытый характер, рассылается по согласованному с Аппаратом Совета Безопасности Российской Федерации и аппаратами полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах списку.

В 2013 году запущена серия «Этнологическая библиотека РНЦ», при подготовке первого издания были использованы материалы доктора исторических наук, профессора А. А. Никишенкова и доктора исторических наук, профессора Б. Х. Бгажнокова.

Подписано к печати 02.12.2013
Формат 60x84¹/16 Усл. печ. л. 4,8
Тираж 250 экз. Заказ № 39

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32А